9(с2)
С-445

Коммунист. Партия (большевиков).

№19

Пролетарии всех стран соединяйтесь.

В. Скоровстанский.

РЕВОЛЮЦИЯ НА УКРАЙНЕ.

2 е издание.

1919

САРАТОВ.
Книгоиздательство „БОРЬБА“.

1.016975
Державна історична
бібліотека УРСР

9(с2)
С-445

9(с2)
С445

Предисловие к Украинскому изданию.

Habent sua fata libelli! Книга имеет свою судьбу. Эта небольшая книжка тоже имела свою судьбу, так сказать, до-историческую историю. Задумана она была уже с полгода тому назад в значительно более широком размере. Но эти добрые намерения не могли быть выполнены, частью за недостатком соответственного материала, частью потому, что у меня не было надежды ее напечатать. И потому я начинал писать, потом бросал, чтобы вскоре снова возвратиться к ней. Кроме того, мне приходилось подходить к одному и тому же материалу с разных сторон под влиянием текущих событий.

И читатель легко заметит кое-где следы неодновременной работы. Особенно в последней X главе. Основные пункты ее были написаны еще в июле этого года, во время с'езда партийных большевистских организаций Украйны. Света они не увидели...

Только благодаря усилиям моего уважаемого товарища С. М. Мазлаха эта книжка появилась на свет... Я пользуюсь этим случаем, чтобы выразить свою благодарность моему товарищу С. М. Мазлаху, а также и П. И. С., с которыми мне [illegible] обсуждать события на Украине.

бібліотека УСР

II

История революционного движения на Украйне заслуживает более серьезного и всестороннего труда, чем эта книжка, к тому же написанная ускоренным темпом.

Правда, Украйна пользуется вот уже около полутора года довольно большим вниманием среди писательских кругов. Она с удовольствием могла-бы поблагодарить за это внимание, если бы... это внимание было обращено на нее, а не по поводу нее. Исписаны целые груды бумаги и пролиты реки чернил по поводу Украйны, а *о ней* как это ни удивительно, почти ни слова. Все писания по поводу Украйны можно было бы резюмировать стихами М. Лермонтова из его „Пророка“:

Смотрите, дети, на него,
Как он угрюм и худ, и бледен,
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его.

Мораль, поучение, проповедь по поводу Украйны, а об Украйне, почему и как ее все „презирают“, ни слова.

Я хотел бы в своем кратком обзоре подойти к ней не со стороны морали, а чтобы проследить основную тенденцию украинского движения, чтобы спросить у самой жизни, найти в самом об'ективном процессе ответ на вопрос: „Как дошла ты до жизни такой?“

Я проследил лишь главное течение и только в общих чертах. Это течение в общих чертах заключается в том, что украинский народ, как нация, как известная историческая общность, вс

вестила о своем желании—жить собственной государственно-политической жизнью. В ежедневной прессе самостоятельность Украйны трактовалась, как исторический курьез, фарс... И действительно, современная „самостоятельная" Украина Скоропадского есть только исторический курьез. Но, если мы заглянем глубже, за каррикатурную фигуру гетмана Скоропадского, внимательнее присмотримся к самой Украине,—то мы заметим большую трагедию народа, который не первый раз спотыкается и ломает свою шею на пути своего освобождения и достижения самостоятельности.

Украинское движение говорило все время языком самостоятельности, даже тогда, когда оно отказывалось от нее, Такой вывод напрашивается при наблюдении его. На пути к достижению своего законного и природного желания, Украина споткнулась и упала... Всякий неожиданный и необыкновенный шаг вызывает смех, есть люди, которые даже могут издеваться... Когда человек поскользнется на улице и упадет, над ним часто раздается смех. . Мне вспоминается каждый раз такой человек, когда мои мысли останавливаются на Украине.

Встанет или нет?—давит мозг горький вопрос... Меня не удивляет поведение по отношению к Украине российских черносотенных и очень образованных империалистов: Милюковых, Родзянок, Скоропадских; меня не удивляет поведение по отношению к Украине англо-американского капитала, Вильсона, Лойд-Джорджа, Клемансо; меня не удивляет политика империализма всех цветов

и языков по отношению к Украине: хищные звер
не могут не рвать тела народов, не могут не ду
шить, не пить крови.

Мы видим, как на Украине собирается черна
стая мировых хищников, чтобы на ее спине справ
лять свое мерзкое дело—не только душить ее са
мое, а напившись крови, задушить и Советску
Россию, .

Меня удивляют и больно поражают те ноты
которые звучат иногда в другом лагере, с кото
рым мы делим и наше счастье и несчастье и чь
победа для нас желанна, ибо это наша победа.
Меня больно поражает та гордая и глумлива
насмешка по поводу желания Украинского народ
жить собственной, независимой, самостоятельно
жизнью.

Глупый „хохол" захотел самостоятельности

Взгляните на ежедневную прессу, припомнит
что вы слышали об Украине, и попробуйте да
ответ на основании всех сведений, на вопрос: ч
собою представляет революционно-национальн
движение на Украине—глубокий ли процесс, по
ный реального жизненного значения—или что
минутное, „вымышленное"?

Я уверен, что, на основании тех сведени
мы услышим ответ: „да"—на второй вопрос?—У
раинское движение—это „выдумка", одни говор
интеллигенции и буржуазии украинской, другие
российской буржуазии, третьи—немецкого им
риализма и так далее.

Ну, а раз это „выдумка", то... причем зд
„право нации на самоопределение" и какие

могут быть разговоры про какой то там вопрос? Даже до прямого курьеза доходит, когда, например, приходится слышать разговоры о „фиктивной нации". И пусть не указывают, что это говорят люди „неответственные". Не говоря уже о том, что иногда „устами младенцев глаголет истина", я, чтобы не останавливаться дальше на этом вопросе, приведу выдержку из одной статьи, помещенной в № 132 „Правды": „Сущность происшедших изменений в международном положении Украины сводится к следующему: *вместо „южной части России" имеется в настоящий момент „южная часть оккупированной Германией на Востоке области"*. То, что оккупация совершена под „фирмой" самостоятельности и даже то, что в головах некоторых господ (окончательно потерявших голову от неожиданного для них под'ема в них (sic!) национальных украинских чувств), эта оккупация отражается как самостоятельность, не мешает нам оценивать сложившееся положение именно *как оккупацию и только как оккупацию*" (курсив мой В. С.). Автор этих комических строк рекомендует свою точку зрения, как „Екатеринославскую" точку зрения, значит точку зрения людей, которые собственными глазами видели украинский революционный процесс. Украины собственно нет, это выдумка кое каких господ, которые охвачены под'емом „в них для них" украинского национального чувства. Есть лишь „южная часть оккупированной Германией на Востоке области",

В с. д. литературе долго спорили по поводу „права нации на самоопределение". Главным ар-

гументом против него было обвинение в „абстракт ее
ности", общности. На это т. Ленин основательно с
ответил, что эта абстрактность существует лишь н
в голове опонентов, это во-первых, а во-вторых с
этот лозунг еще требует анализа конкретных ус-
ловий жизни той или иной нации. Но какая мо-
жет быть проверка там, где ничего, кроме „вы-
думки" нет, где „оккупация и только оккупа-
ция"?!

История весьма ехидно и зло смеется над
такими рассуждениями. И если бы от них не бо-
лели чубы у людей, то мы бы могли предоста-
вить эти рассуждения на издевательство истории.
Мы укажем только на один случай такого изде-
вательства. В том же номере „Правды", с той же
„Екатеринославской" точки зрения доказывается,
что Украине не нужна особая коммунистическая
Партия (это абсолютно консеквентно с ее точки
зрения), но автор не „возражает", чтобы эта пар-
тия называлась: „Коммунистическая партия Ук
раины". Ну, как здесь не вспомнить приятелей
Петра Ивановича Бобчинского и Александра Ива-
новича Хлестакова, из которых первый просит,
чтобы его сын, рожденный „до брака, но как бы
в браке" звался фамилией своего папаши, а добрый
А. И. Хлестаков соглашается: „пусть называется".
И как курьез, во главе этой партии становятся
как раз представители „Екатеринославской" точки
зрения!!! „Пусть называется"!

Я не буду останавливаться на этих и подоб
ных точках зрения разных курятников, а также
на той путанице, когда люди стараются более

серьезно рассмотреть вопрос,— ибо это завело бы слишком далеко, а мое предисловие и так растянулось. Я надеюсь, что мне удастся вскоре рассмотреть этот вопрос основательнее...

В заключение я хотел бы только предупредить от такого легкомысленного отношения, ибо оно тяжело отзовется на деле революционной борьбы не одного лишь украинского крестьянина и рабочего. История есть диалектический процесс, не похожий на „диалектику" иезуитов, для которых „цель оправдывает средства". В истории часто бывает, как говорится в пословице: „кругом пять, а прямо десять". И голое „единство" часто доводит до наибольшего раз'единения. Только вороны летают прямо.

Мне было бы очень желательно, чтобы в программе пункт „право нации на самоопределение" занимал место не для одной лишь выставки, ибо где же тогда разница с Вильсоном, который тоже в своих „посланиях" выставляет „право нации на самоопределение"?. А между „Екатеринославской" точкой зрения и Вильсоновскими „посланиями нет принципиальной разницы в этом вопросе. Правда, „Екатеринославская" точка зрения еще не есть точка зрения партий, как эти взгляды были развиты до революции...

Но... А что если „устами младенцев глаголет истина"? Будем надеяться, что это лишь курьез, одна из гримас истории... „Верю, Господи, помоги моему неверию"!

Я знаю, история идет кровавым путем, путем разрушения, борьбы... Я знаю, что „считают-

ся только с фактами". Но не достаточно ли уже „фактов", чтобы с ними „посчитаться"?

Украина узнала много неправды, насилий, издевательства на своем историческом пути. История—мачеха не раз уже карала Украину. И в этот час, когда я пишу, на Украине происходят события, которые тяжело отзовутся на ней. Черная стая контр-революционеров разной масти покрыла ее „лани широкополі"... Но совы контр-революции, рано или поздно, должны отступить перед заревом революционного пожара. В прошлом нет выхода. Все надежды, все упования лишь впереди, в победе революции. Тогда будут оправданы кровь, разруха, страдания и муки.

Революция растет с каждым днем. Империализм не в состоянии справиться с теми духами, которые он сам вызвал... Раньше или позже пролетариат будет победителем... Побеждающий пролетариат не застрахован от ошибок... На ошибках он учится... Но нужно ли повторять ошибки?

Пусть же будет, что будет! Но будет и на нашей улице праздник!

Автор.

20 ноября 1918 г.

Предисловие к 1-му русскому изданию.

Во время печатания настоящей брошюры произошли события, частью подтвердившие наши выводы, частью внесшие новое освещение для некоторых действующих лиц и политических групп.

Событием первостепенной важности является прежде всего возстание против гетмана, поднятое Петлюрой от имени директории, во главе которой стоит В. Винниченко, бывший голова генерального секретариата Ц. Рады. Деятели Ц. Рады вновь появляются на политическом горизонте. Появление их на исторической сцене кажется многим чуть-ли не политическим курьезом. Повседневная печать России, несмотря на то, что она много внимания уделяла Украйне, или, вернее, много писала „по поводу“ Украйны, рассматривала события на Украйне с высоты птичьего полета, почти не касалась конкретной обстановки украинского „бытия“, судила больше по заранее заготовленным шаблонам, трафаретам. Эти трафареты совершенно упускали из виду незакончившийся процесс национального освобождения Украйны; для этих трафаретов национальный украинский вопрос являлся ни более ни менее, как „выдумкой“, „пленной мысли раздражением“ следствие под'ема национальных чувств в головах

некоторых господ, „в них для них“,—по крылатому выражению „Екатеринославской точки зрения“.

„Национальный вопрос изжит“—вот излюбленная фраза, тем более удобная, что она порождала убеждение „в них для них“ об отсутствии необходимости исследовать „больной“ (по словам „Коммуниста“, № 5, органа „партии коммунистов (большевиков) Украины“) вопрос. Зачем бередить „больное“ место!

И в результате: 1) подымали восстание тогда, когда оно окончилось „пшиком“, не смотря на уверения, что ждать больше нельзя было ни одной минуты (август); 2) восстание вспыхнуло тогда, когда его меньше всего „ожидали“, поднято теми, кого уже давно провозгласили политическими мертвецами. Пришлось задним числом спешить наверстать утерянное. Повторяется старая история с „применением к местности“, которое никакого „применения“ не дает. История жестоко мстит за вечное „применение“, повторение задов. Когда люди не желают стать к истории лицом, она бьет в спину.

В наше „черезчур интернациональное“ время считается хорошим тоном не обращать никакого внимания на национальный вопрос. Для многих даже такого вопроса не существует. Все это „выдумка“. Если же наличие такого вопроса и признается, то только для того, чтобы сейчас же отбросить его, повернуться к нему спиной.

Национальный вопрос рассматривается как заблуждение, как аберрация политической мысли

заблуждение вследствие под'ема „в них для них" национальных чувств. И его нужно „изжить". Забывают, что всякий вопрос, раз он существует, раз он ставится, как вопрос, он должен быть „изжит", т. е. разрешен. И до тех пор, пока он не получит разрешения, он не будет „изжит". А национальный вопрос принадлежит к тому разряду вопросов, которые могут быть „изжиты" только путем определенного его разрешения, и не могут быть „изжиты", как „изживаются" заблуждения, когда люди „идут в одну комнату и попадают в другую". Национальный вопрос, далее, характеризуется тем, что он не может быть разрешен решением другого вопроса. „Социализм один может целиком разрешить национальный вопрос"—конечно верно, но слишком обще, и дает повод к ошибочному выводу, будто „социализм сам собою" разрешает национальный вопрос. Между тем, скорее наоборот, социализм предполагает разрешение национального вопроса в определенном смысле. Не может быть свободен народ, угнетающий другие народы, как не может быть свободен народ, угнетаемый другим народом. Обобществление средств производства еще eo ipso не уничтожает господства одной и порабощения другой нации, след. не уничтожает, не разрешает, „не изживает" национального вопроса. Национальный вопрос остается, для его разрешения лишь создается самая благоприятная предпосылка обобществлением средств производства. И до тех пор, пока он не разрешен, пока одна нация господствует, а другая должна подчиняться, до тех

пор еще нет социализма даже при социализировании средств производства.

В третьих, национальный вопрос отнюдь нельзя откладывать „на другой день“ после социальной революции. Он может и должен быть разрешаем *и до и во время и после* социальной революции. „Сперва социальный вопрос, а потом национальный“, как и обратная формула: „сперва национальный, а потом социальный вопрос“ являются лживыми и лицемерными фразами, как и та формула, перифразировкой которой они являются. Это чистейшая столыпинщина.

В четвертых, национальный вопрос в каждом данном конкретном случае требует своего определенного разрешения. Правильный ответ на один национальный вопрос еще не является тем самым правильным ответом на всякий иной вопрос. Вот почему программа коммунистов (большевиков), выставляя принцип права на самоопределение, т. е. на образование самостоятельного независимого государства для всех наций вообще, как выражение свободы и равноправности всех наций, требует, кроме того, анализа конкретной обстановки, анализа данного национального вопроса, чтобы сказать, можно ли дать положительный ответ в смысле образования самостоятельного независимого государства именно данной нацией.

Мы пытались в этой брошюре дать посильный ответ именно не на национальный вопрос вообще, а на украинский вопрос. Размеры брошюры не позволили рассмотреть этот вопрос более всесторонне и исчерпывающе. Если нам ничто не поме-

шает, мы постараемся это сделать в непродолжительном времени.

Здесь же заметим только, что отсутствие определенного взгляда на национальный вопрос отражается на походке партий и отдельных лиц. У нас создается много, слишком много всяких республик. Помимо чисто административных республик, как напр. Кубанско-Черноморская и др., создаются республики и „национальные", как напр. „Татаро-башкирская республика" и др. Эти „республики" в большинстве случаев остаются на бумаге. Но вот последний кунштюк в том же роде: образование „независимой, самостоятельной Эстляндской республики!" Не шутите! Что это: серьезный ответ на серьезный вопрос, или...

Если признается самостоятельная независимая Эстляндская республика, то почему не может быть самостоятельной независимой Украинской республики? Мой читатель! Ставя этот вопрос, я не хочу ни обижать кого бы то ни было, ни шутить злую шутку. Я хочу только обратить внимание на те шатания, какие мы замечаем в национальном вопросе не среди „политических младенцев", а среди руководящих кругов.

И я серьезно ставлю вопрос: почему не может быть признана самостоятельность и независимость Украинской республики и в то же время признается независимость и самостоятельность Эстляндской республики? *)

*) N. B. Во избежание недоразумений, я должен пояснить что мною поставлен вопрос не с точки зрения „права наций на самоопределение", а с точки зрения конкретных условий развития Эстляндии и Курляндии

Мне могут указать на „применение к местности", на „дипломатию", еще на что нибудь... Ах, читатель! Ведь давно уже известно, что самая лучшая политика—политика принципиальная. В том числе и в национальном вопросе. И когда мы видим образование „республик" там, где отсутствуют необходимые предпосылки, и в то же время наблюдаем обратное отношение там, где имеются все данныя для самостоятельного и независимого существования республики,—ничего, кроме политического соблазна и разврата, такая политика вызвать не может.

Возьмем Украйну. Так или иначе, в ковычках или без ковычек, но самостоятельная Украина существует. Во всяком случае воля населения Украины к своему самостоятельному, независимому государству манифестирована самыми различными организациями и группами Украины. Дважды провозглашалась формально самостоятельность Украйны. И что же? Признана самостоятельность Украины? Мудрый Эдип, разреши! Обратим внимание на некоторые факты.

Укажем на „Екатеринославскую точку зрения" С этой точки зрения даже Украйны не было, нет и быть не может. Это взгляд отдельных лиц? О нет, это взгляд так наз. „Партии Коммунистов (большевиков) Украины". Что это за партия? Какова ее raison d'etre (основа существования)? Ведь если Украина есть лишь результат под'ема национальных чувств „в них для них" в головах некоторых господ, то каков смысл существования партии для несуществующей страны? И попро-

буйте получить ответ на вопрос: является ли эта партия областной организацией Российской или самостоятельной? Определенного ответа вы не получите. Какая-то несамостоятельно самостоятельная партия! Пойдем дальше. Образовано Советское правительство Украины, которое уже выпустило манифест. Это правительство вышло из рядов „Екатеринославской" партии и вполне естественно не может стоять на точке зрения самостоятельности Украины. Если Украина есть „в них для них", „пленной мысли раздражением", если Украины нет, а есть „Южная Россия" или „южная часть оккупированной немцами на Востоке области", то теперь, с аннулированием Брестского договора, казалось бы, нужно было вести борьбу от имени Сов. Нар. Ком. Ведь не создаются же партии и правительства для „Северной части оккупированной на Востоке немцами области"! Могут быть комиссары, эмиссары для той или иной области, но для России может быть лишь одно правительство. И не может быть другого правительства для отдельных частей России, кроме единого центрального правительства. Одно из двух: либо Украина часть России, оторванная, оккупированная и т. д и т. п.—тогда нужно ее присоединить к России, как нужно присоединить Псковскую губернию, Архангельскую губернию и т. д.; или Украина есть Украина, страна с особым национальным составом населения, организованная в самостоятельный политический организм —тогда, конечно, должна быть „своя" партия, „свое" правительство.

В противном случае, какова raison d'être и „своей" партии и „своего" правительства?

Могут сказать о „применении к местности"... Но все подобные аргументы гроша ломанного не стоят. Этот путь уже испробован... Выхода на нем нет. Для Украины есть лишь один выход: действительная, а не призрачная самостоятельность... Украина должна занять принципиально место рядом с Россией, Германией, Францией, Швецией и пр., а не с татаро-башкирскими республиками нового образца.

Конечно, не исключены и иные возможности. Но для Украины это будет такой же „выход", как скажем был „выходом" для России Брестский мир.

С точки зрения борьбы с мировым империализмом самостоятельная Украина также ни в коем случае не может быть препятствием, ибо злейшими врагами Украины являются именно империалисты всех мастей.

Припомним, что Вильсон целиком и полностью стоит за единую и неделимую Россию, несмотря на лицемерные причитания о „праве наций на самоопределение". Вот еще пара новейших фактов из той же оперы. В Екатеринодаре на заседании краевой Рады. генерал Деникин об'явил условия, переданные англо-американским капиталом представителю добровольческой армии: „единое представительство России на мирной конференции, за исключением большевиков *и тех территориальных образований,* которые расходятся с добровольческой армией в вопросе о единой и неде-

лимой России". Таким территориальным образованием является в первую голову Украина.

В связи с разгромом Германии, изменилась ориентация черносотенного правительства ясновельможного пана гетмана Скоропадского, этой Mädchen für Alle, ясновельможного Хамелеона. Его новое правительство первым пунктом своей программы ставит: „*Работа над воссозданием единой России* на федеративных началах, с сохранением за Украйной всех прав на основе ее государственной и национальной самобытности". Можно себе представить, каковы будут эти права!

Чтобы немного развеселить читателя, я приведу одно интервью с ясновельможным Хлестаковым, с несамостоятельно самостоятельной Mädchen für Alle, которое было „дано" в июле с. г. Вот что говорил гетман тогда: „Вначале я был под сильным гипнозом Империи—Правда! Это было так хорошо!.. И казалось таким прочным... Но теперь нужно свыкнуться с мыслью: Украйна может быть только самостоятельной. Поверьте, иного выхода нет. Наш народ имеет право жаловаться на Москву. Припомните: даже среди высших слоев отношение к Украине было наполовину пренебрежительное. Милое, но презрительное: „хохлы", мол. Как хозяин к батраку. Кроме того, центр вытягивал из нас все соки: и продуктами, и людьми" *).

Ясновельможный гетман проделал полный цикл „диалектического развития"; „тезис"— „сперва я был под сильным гипнозом Империи":

*) „Новая Рада" № 115, 16 июля 1918 г.

Державна історична бібліотека УРСР

„антитезис"—„Украина может быть только самостоятельной. Поверьте, иного выхода нет": „синтезис"—„возрождение единой России на федеративных началах, с сохранением прав Украины на основе ее государственной и национальной самобытности".

О, други! Бойтесь копировать „диалектику" Скоропадского! Особенному вниманию „Екатеринославской точки зрения"!

Восстание Петлюры об'ективно и суб'ективно является также восстанием против намерений российской контр-революции и ее подставной фигуры—гетмана, а также против тенденции „освободительного" англо-франко-американского капитала. В своей прокламации Петлюра призывает к восстанию против царского генерала, за власть украинских рабочих и крестьян, за украинскую демократическую республику.

Но недавнее прошлое, как проклятие, следует по пятам за ним. „Власть должна принадлежать рабочим и крестьянам"—но советы, рабочие организации разгоняются. Борьба против гетмана,—но всюду на пути стоят немецкие оккупационные войска, призванные праматерью нынешней директории, Центр. Радой.

И все же во главе того разношерстного движения, свидетелем и ареной которого является Украина, стоит Петлюра.

Как долго он удержится,—покажет недалекое будущее. Одно несомненно. Директория нащупала основной жизненный пульс Украйны. Ее наследницей может быть лишь власть, не боящаяся

переться на народные низы, которая сумеет дать
рямой, без всяких увертюк, ответ на все вопросы,
том числе на вопрос о самостоятельности Укра-
нского народа, его полной независимости.

Я отнюдь не хочу сказать, что Украина
ройдет свой этап гладко, безболезненно. Напротив,
сть все основания думать, что на ее долю вы-
адает самая горькая чаша. Долг всякого честного
еволюционера—облегчить муки борьбы с миро-
ыми хищниками, помочь освобождению народа
г вековых пут и национального рабства.

Самым худшим исходом для Украины был бы
новый раздел, установление препятствий к той
нденции об'единения двух частей Украины,
ывшей Российской и Австрийской, тенденции,
оторая совершенно явственно проявляется через
се этапы и разнорсдные явления революционной
орьбы в обоих частях Украины. Это значило бы
тянуть „болезнь“ еще на десятилетия, поддер-
ивать хронически в „больном“ состоянии не
олько Украйну, но и те соседние страны, которые
здумают поделить ее.

Силы, на которые можно опереться, это укра-
нское крестьянство и рабочие.

Мы шлем свой горячий привет восставшему
краинскому рабочему и крестьянству и полны
убокой веры, что он на этот раз сумеет прео-
олеть все препятствия на своем пути и осуще-
вит подлинно-самостоятельную рабоче-крестьян
кую Украинскую Республику!

Наша вера основывается не на мимолетных
омбинациях внутреннего и международного по-

ложения Украины, а на анализе об'ективного процесса революционной борьбы на Украине.

Подчас кажется, что течение идет против нас. В данную минуту в особенности.

Но тем больше встает перед нами наша обязанность:

Плыть против течения.

О, други! гребите против течения!

И вы не заблудитесь.

Автор.

15 декабря 1918 г.

Предисловие ко 2-му русскому изданию.

Настоящая брошюра была первоначально на-
ечатана в № 3—4 журнала Саратовской Губ.
оллегии о пленных и беженцах: „Пленный и
еженец". Отдельный оттиск в количестве 2.000
экземпляров разошелся в короткое время. Бро-
юра нашла своего читателя, что автор припи-
ывает отнюдь не достоинствам его брошюры
наоборот, он более чем скромнаго мнения о
ей), а отсутствию на книжном рынке соответ-
твующей литературы, сколько нибудь отвечающей
ому широкому интересу к Украине, который
есомненно имеется в наличности. Если-бы пред-
ожение всегда отвечало быстро и в полном
б'еме спросу, литература об Украине в короткий
рок должна была бы возрасти до огромных раз-
еров. Но когда бряцает оружие, музы молчат.
хотя тот род литературы, к которому относится
астоящая брошюра, отнюдь не может претендо-
ать на благосклонное внимание муз, тем не менее
риведенное только что изречение можно распро-
транить с некоторым правом на „сопредельные
музами" области литературы. Во всяком случае,
ля Украйны оно вполне оказалось справедливым.
сожалению.

Несмотря на короткий срок, протекший со
ня выхода 1-го издания, брошюру следовало бы

переработать основательно, кое-что изменить, кое-где дополнить—в соответствии с изменением круга читателей по сравнению с первоначально имевшимися в виду. В особенности это нужно было-бы сделать с последней 10 гл.: Украинский национальный вопрос.

Но у меня нет для этого времени, и я решил оставить весь текст без всяких изменений, исключая слишком грубых нарушений законов русского языка, которые, к сожалению, имеются в 1-ом издании. (Замечу в скобках, что хотя на брошюре и имеется подзаголовок: „авторизированный перевод с украинского", в действительности перевод был сделан другим лицом, и лишь бегло был просмотрен мною. Брошюра печаталась в мое отсутствие. Я здесь не могу не выразить благодарности переводчику, который затратил много труда, и у которого вкрались ошибки помимо его воли).

Кроме того, автор считает, что написанное раз уже принадлежит истории, и в этом смысле написанное пером, нельзя вырубить и топором. Тем более, что основные выводы не подлежат изменению, а лишь дальнейшему развитию.

Не могу не указать здесь же, что читатель, интересующийся затронутыми в настоящей брошюре вопросами, найдет дальнейшее и более подробное развитие высказанных в ней взглядов в моей, вместе с С. Мазлахом, брошюре: „До хвилі (Що діється на Вкраіні і Украіною?)", которая выходит на днях.

Эта брошюра, вместе с подготовляемой к печати брошюрой о теории и практике права наций

на самоопределение в русской революции, является исполнением обещания, данного мной в предисловиях к русскому и украинскому изданиям настоящей брошюры.

На этом я мог бы поставить точку. Но мне хочется еще здесь же указать на два обстоятельства, которые вызывают тягостное недоумение.

Первое. В предисловии к украинскому изданию, я писал: Habent sua fata libelli! Я разсказал там коротко доисторическую историю брошюры. Здесь могу указать на один факт из после-исторической истории ее. Брошюра была предложена книжным магазинам города С. для продажи. Книжка пошла на рассмотрение соответствующего „места“ на предмет решения вопроса: можно ли продавать такую „страшную“ брошюру в советских магазинах. Постановили: взять 100 экз. на украинском яз., но ни в коем случае не на русском, ибо хотя книжка написана и в коммунистическом духе, но... в ней много „шовинизма“ и „национализма“. Я весьма затрудняюсь сказать, что имели в виду цензоры. То ли, что „шовинизм“ и „национализм“ подобает разводить лишь на „шовинистическом“ и „националистическом“ языке, и нельзя портить им „интернационального“ языка. То ли, что украинский „шовинизм“ и „национализм“ опаснее для лиц, владеющих русским языком, и совершенно безопасен для лиц, знающих украинский язык. То ли, что „национализм“ и „шовинизм“ совершенно безопасен для тех, кто не понимает языка, на котором он распространяется.

Второе. Я приведу здесь два документа, отн
сящиеся к Украйне (других нет). Первый за надл
жащей подписью был помещен в „Известиях Е
Ц. И. К. от 24 декабря 1918 года, № 282(546)
Другой без подписи, анонимный, помещенный
„Правде", № 11, 17 января 1919 года Это буд
очень интересная и поучительная шарада д
читателя.

Всем учреждениям Р. С. Ф. С. Республики.

Циркулярно

*Постановление Народного Комиссариата по
Иностранным Делам.*

В виду того, что за аннулированием Брес
ского мирного договора Украина не признает
более Советским Правительством Росийской Р
публики самостоятельным государством, Народн
Комиссариат по Иностранным Делам предлага
всем учреждениям Р. С. Ф. С. Республики сро
отменить все постановления, касающиеся быв
украинских граждан и считать все докумен
выданные украинскими властями, недействите
ными. Со дня опубликования сего постановлени
всем лицам и учреждениям, представляющи
интересы бывшей Украинской Державы в преде
Р. С. Ф. С. Республики, предлагается немедлен
прекратить свою деятельность и снять с пом
щений, занимаемых ими, вывески и об'явлени

достоверявшие их деятельность, как учреждений должностных лиц бывшей Украинской Державы.

Заместитель Народного Комиссара по Иностранным делам *Л. Карахан.*

Охрана военного имущества в реоккупированных областях.

о всем правительственным учреждениям и ко сем должностным лицам свободной, независимой Украинской Советской Республики.

Правительство Российской Социалистической федеративной Советской Республики об'явило едействительным Брестский договор, вследствие оторого территория Украины была занята герресанскими войсками.

В настоящее время Германия, не имея возРожности оружием настоять на оставлении в силе днрестского договора, очищает территорию братагакой Советской Республики Украины.

Российское Советское Правительство, путем вшипломатических сношений и нажима Красной ентрмии, принимает меры с одной стороны к тому, телтобы земли братского народа были скорее очиениены, с другой—к тому, чтобы имущество не ощыло увезено.

По полученным сведениям, в освобожденных енестностях оставляется масса военного имущеломтва, принадлежащего Российской Республике и енеобходимого для усиления мощи Армии, которая

ныне борется за свободу трудящихся и за освобождение от гнета империализма.

Российское Советское Правительство направляет в освобожденные области особые комиссии для учета и охранения, выдачи частям Красной Армии и отправки для ремонта оставляемого имущества, необходимого для военных целей.

Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, подчеркивая что вышеуказанное имущество необходимо ему для выполнения великой задачи освобождения трудящихся масс от ига империализма, ожидает, что все Правительственные учреждения и должностные лица братской Советской Республики Украины окажут полное содействие указанным выше комиссиям.

Всего доброго, читатель!

В. Скоровстанский (В. Шахрай).

23 января 1919 г.
г. Саратов.

Революция на Украйне.

(Авторизированный перевод с Украинского).

I.

Территория и население.

Немного найдется людей в России даже между образованными лицами, для которых роль Украйны в революции России не была-бы неожиданной. Даже больше того, люди, которые жили и работали на Украйне, никогда не думали, не предполагали, не ожидали, чтобы национальное украинское движение могло быть таким сильным и мощным. Правда, что и Российская революция вышла далеко за границы предполагавшихся для нее различными политическими партиями и деятелями задач, расширялась и углублялась в чрезвычайно крупном масштабе и развивалась весьма быстро и решительно... С Украиной многие совсем не были ознакомлены. Большая часть бывших „подданых" Российской Империи знала и с большим удовольствием употребляла „малороссийскую" колбасу, „малороссийский" борщ, да иногда восхищалась „малороссийским" гопаком и песней.

Что же касается литературы, науки, политических требований украинства, то на них смотрели, как на выдумку „галичан", которые выдумывают различные требования, и портят „настоящий", „полтавский", „малороссийский" язык.

Больше всего внимания уделяла украинско
движению царская бюрократия, жандармерия
полиция, а вместе с нею и Российская буржуази
которая очень боялась „сепаратизма“ с точ
зрения своего кармана, своих барышей, чтобы
выпустить из своих рук такой богатый край,
„все обильем дышит“: и хлеб, и сахар, и угол
и железо, и т. д.

А так как царская бюрократия, помещики
капиталисты были „не краснобаи, а люди „дела
то они и считались с украинским движением
словесно, а по „настоящему“, как и полагает
людям дела: сажали украинцев по тюрьмам, сс
лали „в места не столь отдаленные“, расстрел
вали, запрещали газеты, книги, язык и т. д.
задушить это движение нельзя было. Не смот
на всякие запрещения и препятствия, оно с ка
дым годом усиливалось, становилось все бол
мощным—и потому-то за короткое время о
проявило такую организационную способность.

Украина в 15—17 столетиях жила чрезв
чано напряженной политической жизнью, кот
рая отразилась в песнях и думах козацких,
также в различных политических актах. Бороть
приходилось с Турками, Поляками, Москвою
свою самостоятельность и независимость. Но ст
нутая между тремя сильными государствами: Ту
цией, Польшей и Москвой, она не смогла ста
на собственные ноги, и после восстания Богда
Хмельницкого была разделена сначала меж
Москвой и Польшей, а потом, когда саму Пол
шу разрезали на куски более сильные держав

Москва, которая превратилась в Российскую империю, Пруссия и Австрия,—Украина в конце 18 столетия была разделена Россией и Австрией, на этот рез уже окончательно и окончательно же лишена была даже той небольшой самостоятельной политической жизни, которая еще оставалась после Хмельницкаго.

Австрия получила одну десятую часть всей Украины, так называемую Галицию и Буковину, а девять десятых очутилось в границах России—собственно Украина, или как ее назвали оффициально—Малороссия.

Несмотря на это разделение, украинский народ по обе стороны границы сознавал свое родство в течение всего времени, между этими двумя частями Украины всегда были живые сношения, и общая борьба и помощь людьми и деньгами за общее дело не приостанавливалась ни на минуту.

Украина величиною своей территории—больше 450 (абсолютный minimum) тысяч квадратных верст—лишь немногим уступает наибольшим европейским государствам без их колоний, уступая в Европе только Австро-Венгрии, Германии и Франции. Эта территория тянется от Карпат на западе до Кавказских гор. и Дона, где он сливается с Донцом на востоке, и от линии реки Припети на севере до Черного моря на юге. На всей этой территории украинцы составляют большинство населения, абсолютное или относительное.

В 1897 году украинцев было в России 22,5 мил. (17,4 проц., и занимали они второе место между народами России за Великороссами,

которых насчитывалось в том же году 55,5 мил. (43,3 проц.).

В Австрии по переписи 1900 года было украинцев 3,4 мил. Таким образом, около 1900 г. на украинской земле жило не менее 25 милл. украинцев, а в начале войны не менее 35 мил., из них в России около 30 милл.

Украинцы—преимущественно крестьяне хлеборобы,—не те хлеборобы, которые сейчас господствуют на Украине во главе со Скоропадскими и Лизогубами, а те, что стремятся сейчас избавиться от Скоропадсих и Лизогубов.

Если взять губернии, где украинцы составляют абсолютное большинство населения; Полтавскую (93 проц.), Черниговскую (85,7 проц.) Подольскую (80,9 проц.), Харьковскую (80,6 проц.) Киевскую (79,2 проц.), Волынскую (70;1 проц.) Екатеринославскую (68,9 проц.) и Херсонскую (53,5 проц.)—то мы увидим, что А—в сельском хозяйстве было занято 74,6 проц.—16,5 миллионов человек; Б—в фабрично-заводской и горной промышленности—9 проц.—2 миллиона: В—в торговле и транспорте—6,6 проц.—1,5 мил,; Г—всякого рода служащие—4,8 проц.—1 милл.: Д—чиновников и свободной профессии—3 проц.—6 тысячи; Е—те, которые живут на собственные капиталы и проч.—2 проц.—243 тысячи.

Украинцев на этой территории тоже 16,5 мил. или 74,6 проц. Правда, что не все они заняты в сельском хозяйстве, но все-таки они составляют главную часть этого населения, как показывает распределение украинцев между теми-же группами

занятий: А и Г 90 проц., Б 3,6 проц., Д и Е 5,5 проц. Таким образом $^9/_{10}$ всех украинцев—крестьяне. Что-же касается великороссов, то половина их чиновники (47 проц.), а в сельском хозяйстве меньше $^1/_5$ части их (18 проц.). Евреи заняты в торговле (48 проц.) и в фабрично-заводской промышленности (32 проц.). Большой процент в сельском хозяйствс дают еще немцы (82 проц.) и поляки (51 проц.), но их на Украиине немного (410 и 380 тыс.) и представляют они, главным образом, обеспеченных и богатых крестьян—колонистов, управляющих и проч.

16,5 миллионов крестьян владеют только половиной всей земли (50,5 проц.) 20,243 тысяч десятин земли, а другая половина была в руках помещиков-дворян (34,5 проц.)—13.865 тыс. десятин. и купцов, монастырей, церквей, казны (15 проц.)—3,956 тысяч десятин. Эта вторая половина составляла преимущественно крупнейшие имения по несколько тысяч десятин в руках нескольких тысяч землевладельцев. Так, 58 тыс. землевладельцев, которые имели поместия больше тысячи десятин, владели 11,825 тыс. дес. земли.

А рядом с этими латифундиями лежали крестьянские полосы (хусточки): средний надел на одну душу в 1900 году был таков: в Харьковской губ. 1,9 дес. в Полтавской—1,5 дес., в Черниговской—2 дес., в Киевской—1,2 дес., Волынской—1,7 дес., Подольской—1,2 дес., Херсонской—2,2 дес., Екатеринославской—2,3 дес.—1—2 дес., на душу—и под боком имения в тысячи и десятки тысяч десятин!.. На двор в Киевской губ. в 1905 г. при-

ходилось 3,5 дес. в среднем, причем меньше этой нормы имели половина дворов (51,1 цроц.) *).

И ту же картину мы видим и по другую сторону границы, в Галиции, где в 1890 году в 38 поветах из 50 средний крестьянский надел колебался между $1^3/_4$ и $3^1/_3$ дес., а большая часть дворов имела даже меньше 1 десятины.

Эти цифры достаточно ярко рисуют ту нищету, в какой жило украинское село почти, $^9/_{10}$ украинского населения. Украинское село находилось в печальном положении.

Что же удивительного, если мы наблюдаем такие показательные явления. По переписи 1907 г. было грамотных:

	На Украине.	В Европейской России.
Мужчин . . .	28,0%	32,6%
Женщин . . .	9,2%	13,7%
Всего	18,8 проц.	23,3 проц.

Ко всему прочему, к нищете и различным социальным и политическим притеснениям, присоединилась и школа. Чтобы не было никаких сомнений, как отозвалось национальное угнетение, приведем следующую таблицу:

Губерния.	% грамотных среди всего населения.	% грамотных только среди украинцев.	Разница.
Херсонская . . .	25,9	15,3	10,6%
Волынская . . .	17,2	9,4	7,8 „
Екатеринославская .	21.5	14,4	7,1 „
Киевская	18,1	11,8	6,3 „
Подольская	15,5	10,7	4,8 „
Харьковская . . .	16,8	13,5	3,3 „
Полтавская . . .	16,9	14,5	2,4 „
Черниговская . . .	18,2	14,5	1,8 „

*) См. М. Порш. Из статистики Украины, Киев 1905 г.

Вот в этой таблице отразилось вековое господство царской бюрократии и российской буржуазии, помещиков и капиталистов.

Как в капле воды солнце отражается всеми цветами радуги, так эти цифры отразили результат национального, социального, политического и культурного гнета, какой испытывала Украина на протяжении столетий.

Что же удивительного, если первым словом проснувшихся украинских масс было требование школы на своем языке и свободного украинского слова. Что же удивительного, если украинский крестьянин так подозрительно относился ко всякому чужеземцу, к еврею—купцу, к Великороссу—чиновнику, помощнику; к поляку—помещику, приказчику.

Город управлял селом, а городом—„чужеземцы". Город тянул все добро себе и почти ничего не давал селу. Город тянул подати, которые почти совсем не возвращались в село, на Украину. За 15 лет 1900—1914 г.г., восемь украинских губ. дали податей 7507 миллионов, и из них было истрачено на Украину только 4099 миллионов (54,4%), а 3409 мил. пропали для Украины (45,6%). В городе приходилось платить чиновнику взятку, чтобы избавиться от издевательств и волокиты. В городе купец обманывал, продавая и покупая В городе помещик проедал добро, собранное на селе. В городе горят огни, есть школы, театры, играет музыка. Город чисто (украинский, правда, не особенно чисто) одевается, как в праздник, вкусно ест, пьет, много гуляет. А в селе, кроме нищеты,

непроглядной темноты и тяжелого труда—почти ничего.

Город панский, чужой, не наш, не украинский. Великорусский, еврейский, польский—только не наш, не украинский.

II.

Украинское движение до революции 1917 г.

Не смотря на всяческие запреты и препятствия, социальные, политические, национальные ограничения, административные, полицейские преследования, нить национальной жизни никогда не порывалась. Даже в самые трудные часы украинской жизни, после уничтожения Гетманщины и уничтожения Запорожской Сечи в конце XVIII столетия, когда казалось иногда, что все умерло, все погибло—на поверхность жизни неожиданно выплывал тот или другой факт, который приводил в движение застоявшееся болото Российского бытия и говорил про непрекращающийся процесс украинской творческой идеи.

Казацкая старшина, которая боролась с Москвою и Польшею в продолжении XVI и XVII столетий за самостоятельную Украину, после Хмельницкого, когда в самый решительный момент национальной жизни она изменила вызванный ею самой на борьбу с панщиной деревенской крепостной бедноте, эта казацкая старшина чем дальше, тем больше теряла интерес к украинскому вопросу, довольствуясь социальными привилле-

гиями над украинским „хлопом“ и теплым местом среди российской бюрократии.

Село было задушено в крепостной неволе и лишено было, не говоря уже о каких-либо политических, национальных или социальных прав, но даже прав человека, и крестьянство считалось за скотов.

Только единичные личности из украинского, в достаточной мере обрусевшегося или ополяченного панства и городского мещанства не потеряли интереса к украинскому слову и истории. И вот в эту глухую пору, в 1798-м году появляется небольшая книжка „Перелицьована Енеіда“ молодого, очень благонадежного чиновника при Полтавском генерал-губернаторе, И. Котляревского, которая совсем не готовилась для печати, а для „личного пользования“ автора и его друзей. Эта книжка создала эпоху в истории украинства. Ею начинается новая эпоха украинской жизни, национальное возрождение Украины. Она вызвала большой интерес к украинской истории, песне, мысли. А вскоре на эту заинтересованность украинское крепостное село откликается дивными, удивительно смелыми, полными гнева и любви, песнями своего наилучшего сына, своего Кобзаря—Тараса Григорьевича Шевченко. После такого Кобзаря можно было быть уверенным, что

Наша пісня, наша слава
Не вмре, не загине.

И действительно, появляется ряд украинских писателей: Гулак-Артемовский, Квитка Основяненко, Марко-Вовчок, Кулиш, Костомаров и др.,

которые работают над украинским словом, строят храм украинской литературы, единственную ветвь, где полицейский режим „40.000 столоначальников", не успел, или не смог приложить своих мертвящих рук.

Весь этот ряд писателей, как и все их последователи до последнего времени, были охвачены глубокой и горячей любовью к своему родному краю. Не свою лишь мысль выражал Шевченко, когда писал

Я так ії, я так люблю
Мою Украіну—небогу
Що прокляну самого бога
За неі душу погублю.

А в „Заповіті", высказывая пожелание, чтобы его похоронили „серед степу широкого на Вкраіні милій" и чтоб вспомянули его не злым—тихим словом „в семьі вільній, новій", он добавляет:

Як понесе з Украіні у синее море
Кров ворожу, оттоді я і лани гори
Все покину, і полину до самого бога
Молитися. А до того—я не знаю бога.

Вот эта страстная жгучая любовь к родному краю, ограбленному, порабощенному, забитому, замученному народу давала силы украинской интеллигенции не вешать рук, а работать на пользу возрождения Украины. Пусть кругом издеваются над украинским языком, предсказывают, что украинский народ уже не воскреснет, что было бы безумием думать, что Украина воскреснет для политической жизни, когда даже язык—последнее благо, переданное в наследство историей

—мачехой,—идет к гибели. Нет ни малейшего основания становиться на пути исторического процесса, который ведет к окончательному уничтожению „малороссийского провинциализма". Только напрасно будут потрачены силы и время!

Но на всякие такие предсказания и советы бросить безнадежное дело, сознательные люди Украины отвечали словами опять таки своего Кобзаря:

Спасибі вам, люде добрі,
За раду ласкаву!
Теплий кожух, тілько шкода
Не на нас він шитий!
А разумне ваше слово
Брехню підбите!

И как будто бы в ответ на эти советы бросить дело с Украиной, создается кружок из Шевченко, Костомарова, Кулиша и др., так называемое „кирилло-мефодиевское братство", которое одновременно с требованиями раскрепощения народа; уничтожения разных сословных и классовых привиллегий, ценза, устранения запрещений слова и горячого протеста против подлостей полицейско-самодержавного царского строя—выставляет требование возрождения Украины, как политической единицы, в свободной федерации свободных славянских народов: великороссов, поляков, чехов, сербов, хорватов и др. „Ясно, что обособленное существование ее (Украины) невозможно: она будет между несколькими огнями, будет под натиском и может подвергнуться более горькой участи, чем та, которую перетерпели поляки. Единственный способ для закрепления прав, при-

нятый разумом и продиктованный сердцем, состоит в об'единении славянских племен в одну семью, под защитой закона любви и свободы каждого *), —писал один из его членов В. Белоозерский.

Это был преимущественно кружок интеллигентов, которые ставили в первую очередь культурные задачи. Крепостное село молчало, и опереться на него в этой борьбе не было ни малейшей возможности и надежды. И поэтому братство мечтало достигнуть своей цели путем переубеждения образованных людей, привлечения к своим задачам лучших сыновей славянских народов. Тот же Белоозерский так об'яснял задачи членов братства: они „обязаны расширять сведения о славянах и о праве каждого племени из них на самостоятельность, будить любовь к славянам и их народности и искоренять всякую неприязнь между племенами и распространять памятники, которые вызывают сознание народности и братства".

Братство не успело выйти из узкого кружка на широкий путь активной борьбы, ибо скоро по доносу одного студента, который подслушал разговор братчиков, в 1848-м году, оно было разбито, члены его арестованы, осуждены в тюрьмы, в ссылку. Самое большое наказание постигло Шевченко, который был сослан в солдаты в закаспийскую пустыню, где ему было запрещено писать и рисовать.

Но идеи этого братства не умерли, и последующие украинцы каждый раз снова и снова

*) М. Грушевский. История Украіни, Київ 1917 г.

возвращаются к идее Украинской Республики в славянской федерации.

Уничтожение крепостного права оживило украинскую жизнь, но скоро ограничения и запреты вновь посыпались на всякое свободное слово в России, украинское в том числе. Министр Внутренних Дел запретил выпускать на украинском языке книжки научного характера и для народа совсем, пропуская только беллетристику, на том основании, что „большая часть малороссов очень основательно доказывает, что никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может".

Но этот „несуществующий язык" привлекает к себе все более широкие слои интеллигенции, появляются талантливые поэты, писатели, оживает песня в произведениях М. Лысенко, возрождается театр и пр. Понадобилось в 1876 году издать специальный указ о запрете всякого рода украинских книг за исключением исторических заметок и беллетристических произведений, да и то с российским правописанием и под двойной предварительной цензурой. Украинский театр, концерты, лекции были запрещены совсем, и только после доклада киевского и харьковского губернаторов, что эти запрещения только без надобности раздражают общество, были, сделаны некоторые облегчения. Центр украинской жизни перешел в Галицию. Ткань украинской литературы, науки ткалась дальше.

Новый под'ем украинского движения падает на 90-й и особенно 1900-й года.

Развитие капитализма безпощадно ломало старый уклад крепостнической жизни, будоражило народ и требовало новых форм труда, расширения грамотности среди населения, свободного перехода из края в край.

Донецкий бассейн, губернии: Харьковская, Екатеринославская, становятся центром Российского вообще, украинского в частности, металлургического производства и каменно-угольной промышленности, в право бережной Украине вырастают сахарные и винокуренные заводы, а вся Украина перерезывается вдоль и поперек железными дорогами. Грохот поезда и свисток паровозов и фабричных гудков разбудили село, а искры дымовых труб зажигали революционное движение, вызывали на бой—и с 90-х годов Украина становится ареною широкого рабочего и крестьянского движения. Стачки, демонстрации на фабриках, заводах, железных дорогах беспрестанно перекатывались из одного конца в другой, из одного города в другой, а за городом встала и деревня. Особенно важное значение имели революционные выступления крестьянства Полтавской и Харьковской губерний в 1902-м году, а потом революции 1905 года.

Одновременно с обще-политическими и социальными требованиями всего российского пролетариата и крестьянства, украенские рабочие, особенно украинское село выдвигает, придает большую важность национальному освобождению, национальному вопросу.

Национальный вопрос ярко и отчетливо на

ладывает свой отпечаток на все социальные, политические, экономические, культурные требования.

Из тесных и небольших кружков украинской интеллигенции, литераторов, публицистов, поэтов, артистов, ученых дело национального возрождения и политического оформления выходит на широкое поле классовой борьбы пролетариата и крестьянства. Начинают образовываться и оформливаться разные политические партии с глубоко демократическими содержанием и социалистической окраской, ибо иначе никакая партия не могла бы пользоваться доверием у рабочих и безземельного и малоземельного крестьянства. Так случилось, что на Украине все стали „социалистами". „У нас буржуазии нет, только социалисты".

В 1897 году вся радикальная и демократическая интеллигенция группируется вокруг беспартийной организации, которая потом выделила из себя демократическую партию. Но элементы были слишком разнородны, чтобы можно было из них составить сильную партию, и в 1907-м году все эти элементы вновь создают междупартийную организацию, так называемое „Товарищество Украинськіх Поступовців" (ТУП), которое сыграло такую важную роль в начале революции 1917 года, став, центром и источником украинского движения в феврале—апреле месяцах 1917 года.

Эти партии и организации стоят на почве национально-территориальной автономии Украины в федеративном союзе с Россией.

1905 м году более революционная украинская молодежь создает свою партию—„Революційну

Українську Партию" (РУП.). Эта партия выступила с брошюрой „Самостоятельная Украина", где задачей партии в национальном вопросе выставляется единая самостоятельная Украина в этнографических границах. Но и эта организация не отличалась прочностью и скоро она распадается на разные элементы. Более националистические элементы создают украинскую народную партию. Рабочие и более революционная интеллигенция частью переходят к „Спілке", украинской секции Р. С. Д. Р. П., другая часть, в 1905 м году основывает украинскую социал демократическию партию. Более умеренные элементы частью вошли в демократическую партию, частью создали радикальную, которая об'единилась в радикально-демократическую в 1906-м году, в Тов. Укр. Поступовців в 1907-м году. Такой партийный состав украинского общества сохранился с 1905-го года до 1913-го года, с кое какими уклонериями, перенеся центр тяжести с одной партии на другую. В 1907—1014 м годах появляются отдельныя организации украинских соц.-революционеров, но партия создалась лишь только во время революции 1917 г.

За короткие часы свободы, когда под натиском рабочего восстания „начальство ушло", радикально демократическая и народная партия созывают в Полтаве крестьянский с'езд, об'явивший себя Всеукраинским. С'езд вынес резолюцию, в которой присоединяется к „борьбе за конституцию на основе общего, равного, прямого, голосования" добивается „автономии Украины в границах Рос

сийского государства, созыва Законодательного Сейма в Киеве с тем, чтобы компетенции Центрального Парламента подлежали только вопросы войны и мира, торговых и всяких других трактов, войска, общие финансы, подати", а также чтобы „на украинскей территории в школах и правительственных учреждениях употреблялся украинский язык".

Большие надежды возлагались еще на Государственную Думу. Но начальство очнулось и вернулось, буржуазная оппозиция „его величества" была слишком напугана вместе с помещиками движением рабочих и крестьян, чтобы решительно выступить в защиту куцой российской конституции и ничего кроме словесного сочувствия, и к тому еще уклончивого, дать не могло. С другой стороны, украинское движение носило на себе признаки мелко буржуазного характера, не задевало глубоко рабочих масс, которые были охвачены борьбою с главным врагом, царизмом. В украинстве было достаточно мелко-буржуазной дряблости, сговорчивости, желания „порядка и спокойствия", желания решить свой вопрос полюбовным соглашением с правящими кругами российской буржуазии и помещиками. И потому их требования считались выдумкой интеллигентов и не внушали достаточного доверия российским рабочим партиям, социал-демократам. Все же в Думе, в 1-ой и во 2-ой успела образоваться украинская партия, которая в подходящих случаях—при обсуждении аграрного вопроса, народного образования и т. д., выступала с своей декларацией. Из депутатов разных нацио-

нальностей по инициативе украинцев образовалась фракция федералистов, которая ставила своей задачей переустройство России на федеративных началах.

Победа контр-революции, установление 3-е июньского режима до тла уничтожили рабочие и крестьянские, украинские в том числе, организации; наиболее решительные элементы ушли в подполье.

Легально можно было работать только на литературном поприще. И украинская литература, театр, наука за эти часы, не смотря на цензурные сграничения и административные кары, развивается достаточно сильно.

Начиная с 1910 года, когда экономический кризис после революции и контр-революции сменился экономическим под'емом, придушенные контр-революцией рабочие вновь подняли головы, организуются, бастуют, выставляют свои требования, и летом 1914 года дело доходит даже до баррикад в Петрограде, когда рабочие протестовали против сговора французской делегации с российской бюрократией.

Украинское движение тоже оживает, политические ноты тоже начинают звучать в нем... В селах расширяются кооперативные организации, но они захватывают зажиточное, главным образом, крестьянство и в большинстве аполитичны.

Война 1914 года, вместе с „общественным миром“ при помощи военного и осадного положения, принесла страшный разгром украинскому движению. Всякие украинские организации считались неблагонадежными с политической и военной

точки зрения и были разбиты, пресса была придушена, политические деятели разосланы по разным углам за пределы Украины...

Поход на Галицию, а потом, отступление, собственно бегство, российских войск очень тяжело отразилось на украинцах. За короткий час своего господства, российская бюрократия успела усеять Галицию всякими прохвостами „на предмет обрусения" края. Полицейские, жандармы, попы, чиновники, учителя принялись за соединение с Россиею, местные культурные силы высылались в Сибирь. Украинство вместе с евреями было взято под подозрительный надзор, как немецкие шпионы, погромы и грабежи стали бытовым явлением А во время бегства в 1915 г. целые города и села сгонялись вооруженною силою и выгонялись в Россию, частью зазывались черносотенными архиереями и прочими черносотенными демагогами обещаниями земли. Сотни тысяч беженцев, собственно выселенцев, потянулись перед войсками, гибли от голода и холода по дорогам, лесам, сходили с ума...

Казалось, что после такого „освобождения" унижеиных меньших братьев, не скоро встанут они на собственные ноги...

В таком положении очутилась и пребывала Украина накануне революции 1917 года.

Организация Центральной Рады и 1 Универсал.

Ничего удивительного не может быть в том, что украинские народные массы приняли весть о

революции с великим восторгом, а в Петрограде, где революця была решена для всей России, украинские солдаты стояли в первых рядах.

Украина встретила вести о падении царизма с большой радостью и возлагала большие недежды на осуществление своих национальных желаний.

Начинаются манифестации, собрания, с'езды, оживают организации, пресса... Все с'езды, собрания, манифестации проходят в повышенном настроении, с большим увлечением свободой родного слова, собраний... Кандалы упали, свобода настала—вперед к своей цели: организации своих сил для создания свободной Украины!

И это движение распространилось всюду, где только были разбросаны украинцы. Центром этого движения стал Киев.

Уже в начале марта, как только докатились вести о революции в Петрограде, в Киеве образовывается междупартийная национальная Рада. Ее основателями были деятели Товариства Украинських Поступовців. Украинские социал-демократы вначале уклонились принимать участие в ней, боясь единения с буржуазией, но потом вошли для достижения только одной цели—автономии Украины. Но это было только словесностью, которою стыдливо прикрывались украинские социал демократы. И скоро они становятся самыми горячими заступниками и вождями Украин. Центр. Рады, а через нее и всего украинского движения.

4-го марта Центр. Рада разослала телеграмму по всем городам Украины; „Время идет. При

нимайтесь за работу. Высылайте депутацию к правительству с изложением неотложных требований украинского народа: украинская школа, гимназия, университет, украинский язык в правительственных учреждениях, возвращение сосланных галичан. Возрождайте и основывайте просветительные кружки. Раздавайте прокламации, организуйте сборы на национальный фонд, заложенный в Киеве".

В ответ на эту телеграмму и независимо от нее начались организовываться национальные Рады во всех городах. Начинаются с'езды агрономов, учителей, кооперативов. Все украинские собрания гор. Киева, а потом и провинции посылают своих представителей в Центральную Раду.

Рядом с Киевом в начале революции играл большую роль в украинском движении Петроград, где жило много украинских деятелей, а в Петроградском гарнизоне было довольно значительное количество украинцев.

14 го марта делегация от разных политических Украинских организаций посетила Председателя Временного Правительства князя Львова по вопросу об украинизации и приспособлении к нуждам местного населения управления Украины. Делегация подала докладную записку. От определенного ответа князь Львов уклонился, на все требования отвечал общими фразами, но к ним прибавил нечто такое, что не давало ни малейшего сомнения в действительном отношении Правительства:

Правительство будет считаться только с фактами!

Считаются только с фактами? Хорошо! Извольте факты. И таким „фактом" становится уже самое заявление Председателя Временного Правительства. Цепи царизма пали, но национальная воля еще не „факт", этот факт должен выразиться в борьбе за нее—такой вывод, вполне справедливый, был сделан из этого заявления князя Львова.

А „факты" тем временем росли...

19-го марта в Киеве происходит грандиозная политическая украинская демонстрация, в которой принимает участие тысяч тридцат войска, а всего участников до 100.000 человек. Демонстранты присягают не сложить рук до тех пор, пока не будет создана свободная автономная Украйна, и выносят резолюцию, в которой требует „созыва" Учредительного Собрания на основе общих, равных, прямых и тайных выборов и *это Собрание должно утвердить автономный строй, который мы на Украйне вводим*—(курсив мой В. С.), а до того, чтобы Правительство немедленно издало декларацию, в которой с своей стороны признает необходимость широкой автономии Украйны".

В начале апреля назначается созыв Украинского Национального Конгресса от всех организаций, которые признают себя украинскими. Накануне этого с'езда Киев был встревожен „страшным" слухом, что украинцы собираются об'явить этот Конгресс Учредительным Собранием, которое должно ввести автономный строй до Всероссийского Учредительного Собрания. В связи с этими

слухами происходили митинги, собрания Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. На об'единенном заседании представителей социалистических партий Председатель Совета Рабочих и Солдатских Депутатов грозил Конгрессу штыками. Эти угрозы вызвали волнения украинских масс, которые были встревожены и недовольны антиукраинскими заявлениями и поведением Киевского Совета, Угроза штыками вызвала призыв к оружию среди украинских солдат. Для устранения этих острых разногласий и угроз 5-го апреля созвано было собрание представителей всех общественных политических организаций гор. Киева. На этом собрании ясно выразилось то, что творилось в Киеве на этот раз, и что можно было наблюдать всегда когда Киев становился центром более или менее важных политических явлений В этой капле отразилось солнце политической жизни Украйны за время революции.

На собрании было две стороны, достаточно настороженные в отношении друг друга, враждебно настроенные, боясь, чтобы как-нибудь не быть пойманной другой стороной на слове, и каждая старалась прежде всего узнать намерение другой стороны. Раздел шел по национальной линии: с одной стороны,—украинцы, а с другой—неукраинцы. На одной стороне представители Центральной Рады, представители украинских партий—социалистических и буржуазных. На другой стороне, представители неукраинских партий и организаций: к.-д., с.-д.—меньшевиков, соц.-револ., бунда и др.

На собрании выяснилось, что Центральная Рада не имеет намерения об'явить Национальный Конгресс Учредительным Собранием и что угроза штыками вырвалась неожиданно и не находит отклика среди собравшихся,—и обе стороны разошлись как-будто удовлетворенными.

Но на деле было не то. Российская сторона без различия партий признавала на словах право украинского народа на автономию, но чтобы с автономией ждать до Учредительного Собрания России. Украинские же представители наоборот заявляли: „мы признаем, что слова должны претворяться в жизнь, ибо вера без дел мертва есть". (В. Винниченко).

На замечания и упреки украинским социалистическим партиям со стороны представителей неукраинских социалистических партий, что они об'единились с буржуазными партиями в Центральной Раде, первые каждый раз отвечали, что эти замечания и упреки странно звучат: „ты видишь сучек в глазе брата твоего, а бревна в своем не замечаешь"! Чья бы корова мычала, а чья бы молчала!

Выделялись только большевики соц.-демокр. Но они тогда имели мало влияния и музыку не они играли.

Угрозы штыками глубоко запали в душу украинских масс, и хотя им пояснили, что эта угроза является „воробьем, который вылетит—не поймаешь", но они считали таким воробьем, с которым каждый раз нужно считаться, ибо он обнаруживает действительное настроение тех

кругов, откуда он вылетел. Тем более, что в таких воробьях не было недостатка и в дальнейшем.

Национальный Конгресс заседал 6—8 апреля. На него собралось до 1000 представителей разных организаций и прошел он очень торжественно. Этот Конгресс стал исходным пунктом более широкого национального движения. Отдельные ручейки слились в единый поток, и избранная на нем Центральная Рада в числе больше 100 членов получила авторитет Национального Правительства, которое должно охранять права и свободу украинского народа выработать статут автономии Украины и принять меры для проведения его в жизнь.

По поводу Национального Конгресса, до и после него, во всех углах Украины собирались с'езды крестьянские, культурно-просветительные и др. Разбитые во время реакции партии оживают.

25 и 27 марта в Киеве собрался с,езд автономистов-федералистов, которые составляли ядро товарищества Українських Поступовців, и приняли название социалистов федералистов. Украинские социалисты-федералисты—партия украинской интеллигенции, учителей, кооператоров, агрономов, земских и городских служащих и т. д. Чаще всего их называли „радикалами". Эго партия „украинских кадетов".

4 и 5 апреля происходил учредительный с'езд украинских эс эров, который об'единил отдельные лица, отдельные организации, которые раньше

работали в российской партии эс-эров или в других украинских партиях. Партия мелко буржуазной крестьянской интеллигенции, которая привлекала крестьян так называемою „социализацией" земли и отстаивала требования перехода земли в украинский земельный фонд, с „уравнительным" разделом между крестьянами. Вот этим пунктом, да еще признанием „потребности украинского народа в немедленном проведении в жизнь широкой национальной автономии Украины" и в „немедлечном созыве территориальной Украинской Учредительной Рады для выработки основ и форм автономии", партия и завоевала украинские крестьянские массы Под влиянием угроз штыками Учредительный с'езд вынес резолюцию: „На всякие насильственные преграды созыву Украинской Учредительной Рады со стороны Российского правительства на всякую попытку сделать натиск при помощи силы—партия украинских с.-р. будет смотреть, как на продолжение той же самой империалистической политики захвата и гнета, какую вели по отношению к Украине московские цари и российские императоры".

Партия с.-р имела чрезвычайно сильное влияние, но об'единяла очень разнородные круги и выработать себе твердую линию так и не сумела. Она вмещала в своем кругу наиболее шовинистично-революционные элементы мелкой буржуазии.

Меньшим влиянием и распространением своих взглядов располагала у с.-д. партия, что не мешало ей стать во главе Украинской Рады и руководить национальным движением почти на про-

тяжении целого года. Партия у с.-д. создалась в 1905 году, потом была задушена контр-революцией и ожила в начале революции. Во всех крупных центрах сразу образовались ее организации. 4 и 5 апреля собралась конференция, на которой была вынесена резолюция, подтверждающая старое требование автономии Украины. „В то же время, выходя из рамок партийной программы, провозглашенной на с'езде в 1905 г., конференция, принимая во вниманио *чрезвычайность событий и требований жизни* (курсив мой В. С.), считает возможным взять на себя право разрешить отдельным членам партии поддерживать принцип федеративного устройства Российской Демократической Республики и поддерживать федералистические требования демократии других наций". Кроме того, партия выразила пожелание об об'единении всех социал-демократических партий России, на основе признания национальной программы и принципа национальных организаций. Среди бушующего моря раз'яренного национализма и враждебно подозрительного национального чувства, эта партия являлась наиболее умеренной и сдерживающей эксцессы и проявления национальной борьбы. Но в отстаивании национальных требований она не отставала от других партий—стараясь лишь ввести его в русло организованных революционных демократических форм.

Партии сконституировались, сложились, и уже организованными силами приступили к дальнейшей работе. Большое внимание уделили деревне, и в короткое время во всех уголках Украины бы-

ли созваны уездные и губернские крестьянские с'езды, которые избирали Рады крестьянских депутатов более известные под названием Селянської Спилки—Селоспилки. Селоспилка имела с.-еровскую окраску, но, в действительности, партия с.-р. не перетворили украинского крестьянства и сама партия раскололась под влиянием Селоспилки. Но это случилось позже.

Наиболее сильное движение обнаружилось между солдатами-украинцами, и войсковые с'езды являются наиболее важными событиями в истории украинского движения.

Уже 9-го марта состоялись первые собрания украинских офицеров и солдат в Киеве, а 18 го был основан клуб имени гетмана Павла Полуботки. Стали хлопотать об основании добровольного конного легиона. Перевод солдат-украинцев в национальные полки находит широкий отклик в войске. Пребывание польских легионов на территории Украины в то время, как временное Правительство почти признавало самостоятельность Польши и отказывалось признать декларапией право Украины на автономию, чрезвычайно задевало украинцев-солдат.—А тут еще угрозы штыками!

Что же удивительного в том, что на Национальном Конгрессе каждого оратора от войск встречали с очень радостным волнением и можно было слышать крики: „Оружья, оружья! Нужно оружье, войско, штыки! Только войско, только штыки спасут многострадальную Украину"!

На Национальном Конгрессе составился временный комитет для созыва Войскового Съезда, который был назначен на начало мая.

Между тем случилось на первый взгляд маловажное событие, которое, однако, сыграло очень важную роль, чтобы на нем остановиться. На Киевском сборном пункте собралось неожиданно до 3.000 украинцев солдат, которые хотели записаться в украинский полк. Военное начальство не знало что делать, послало в Украинскую Центральную Раду, но и там никакого определенного ответа не дали. Солдаты решили основать первый полк имени Богдана Хмельницкого и итти на позицию лишь под собственным национальным знаменем. Это вызвало сильный переполох в Киеве. снова начались угрозы, обвинения в разрушении армии, единства фронта и т. д.

Запросили командующего Юго-Западным фронтом Брусилова, что делать. Брусилов ответил, между прочим: „Меня удивляет, что Исполнительный Комитет Депутатов Киевского Военного Округа ничего не делает... В Киевском Военном гарнизоне достаточно военной силы, чтобы главный начальник округа вместе с вами могъ прекратить беспорядки".

Но угрозы штыками и арестами никого не испугали. С „фактами" долны были считаться. Здесь снова стали один против другого два лагеря, с одной стороны—Центральная Рада, которая отклоняла все упреки, что это ее рук дело, но стояла на том, что, если солдаты собрались, то должно удовлетворить их вполне справедливое

желание; с другой стороны, буржуазные и демократические организации неукраинские—Совет в том числе,—ни за что не соглашались на образование этого полка.

Но с „фактами считаются"—и первый украинский полк имени Богдана Хмельницкого стал таким „фактом" накануне первого Войскового С'езда.

С'езд собрался 5-го мая. Событие с полком вызвало сильную бурю. Под'влиянием предыдущих событий, особенно уклончивой политики по отношению к Украине касательно признания декларативно автономии Украины, перед чем Правительство поставлено было снова „фактом" посылки делегации от Национального Конгресса,—на с'езде были произносимы довольно резкие выражения и крайнее националистическое и шовинистическое крыло значительно возросло в силе. Это выразилось уже при избрании Президиума, когда было внесено предложение, чтобы на Войсковом С'езде Президиум составляли только лишь военные. Эти национал демократы были враждебно настроены по отношению к российской демократии и социальным заданиям (Проблемы социальные могут быть разрешены лишь после разрешения проблем национальных). Но все же победила более умеренная часть с'езда, которая, принимала во внимание непрочное положение, в котором находилась революция, Украина в частности, так как военные силы были разбросаны за границами Украины и раз'единены. Как раз в то время в Петрограде имел место после двух месяцев очередной мини-

стерский кризис, который за первые 8 месяцев регулярно повторялся через каждые 2 месяца. 18 апреля, когда вся Россия праздновала 1 мая (по новому стилю), министр иностранных дел П. Н. Милюков издал ноту к союзникам, в которой указывал, что Россия останется верной союзным договорам и на дальше. Это обозначало, что Российскское Временное Правительство отказывалось от своего прежнего заявления от 27 марта, что Россия не имеет своей задачей насильственного захвата „чужих" земель. Рабочие и войска Петрограда выступили на улицу с протестом. Буржуазные круги выступили с контр манифестацией, за Временное Правительство. Полковник Корнилов хотел вызвать вооруженную силу, но ни солдаты, ни юнкера Михайловского артиллерийского училища не выполнили приказа. Совет Рабочих и Солдатских Депутатов издал приказ, чтобы без его разрешения ни одна часть не выходила на улицу вооруженной.

Эти события достаточно ясно показали, что „революционные" полковники и генералы вместе с кадетами напрасно времени не теряют и готовятся каждую минуту к бою.

Совет Рабочих и Солдатских Депутатов победил. Милюков и Гучков должны были выступить из Временного Правительства. Корнилов был удален из Петроградского Военного Округа.

Разрешался вопрос о „коалиционном" правительстве, в которое бы вошли представители от Совета Солдатских и Рабочих Депутатов. Во время первого украинского Войскового С'езда это

правительство составилось, и 6 издало декларацию, в которой признавало все требования демократии, но... чтобы ждать Учредительного Собрания.

С'езд останавливался почти на всех вопросах, которые поднимались среди украинских масс: на обще политических (национально территориальная автономия Украины в Российской Федеративной Республике; мир без анексий и контрибуций на основе самоопределения наций; участие Украины на международной мирной Конференции); на военных (демократизация и украинизация войска, национально территориальный принцип формирования, переход к милиции); на земельном (запрещение продажи земли, леса и т. д.); просвещения (украинизация всех школ, украинский язык в войсковых частях и пр.).

После вынесения этих резолюций пришли телеграммы от Петроградского Совета Рабоч. и Солд. Деп. повременить с разрешением вопроса об'организации национальной армии. На это ответили, что выезжает делегация, от переговоров с которой зависит дальнейший ход событий. „Они там все равно провалят вопрос, а мы его все же проведем". Кроме того, была послана делегация к Брусилову.

Принципиального разрешения вопроса не добились делегации, все было положено на „факты", на решение от случая к случаю, чем вопрос только обострялся. Правительство только „посчиталось" с фактом существования полка имени Богдана Хмельницкого и утвердило его.

В мае от Центральной Рады выехала делегация для переговоров с Временным Правитель-

ством по вопросу об автономии Украины. Была избрана комиссия для разсмотрения этого вопроса, которая затягивала дело, а потом заявила, что она никакого ответа дать не может. Это вызвало вновь сильную бурю на Украине.

25 мая Украинский Генеральный Войсковой Комитет решил созвать второй войсковой с'езд на 4—9 июня.

Тем временем закончилось и подготовительное организационное движение украинского крестьянства. Во всех губернских городах были созваны с'езды, были избраны Губернские Рады крестьянских депутатов, и для об'единения их на 28 июня был назначен Всеукраинский Крестьянский С'езд. На эти два с'езда—Крестьянский и Войсковой—были перенесены доклады делегации Центральной Рады. Чувствовалось, что терпение лопнуло, и речь идет о серьезных решениях. Правительство пыталось чинить преграды. Военный министр Керенский издал приказ не давать отпуска украинским делегатам на с'езд, и самый с'езд запретил, считая его гибельным для фронта. Несостоятельность этих аргументов была очевидна, ибо как раз в это время имел место целый ряд войсковых с'ездов (польский, казачий и т. д.), а также заседал и первый с'езд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов в Петрограде.

С'езд не обратил внимания на запрещение и собрался. Министр Керенский „посчитался" с фактом и дал свое разрешение. Разрешение встретили со смехом и издевательствами.

А тут еще проект выделения города Киева в

особую административную единицу на том основании, что Киев—город с преимущественно неукраинским населением. Неосновательность и злонамеренность этого „самоопределения“ бросалась в глаза и вызывала сильную бурю. „Ладно, отделяйтесь! А что будет, если мы отделимся от вас?“ — говорили крестьяне.

Что же удивительного в том, что оба с'езда прошли в повышенном настроении.

Нервное настроение вызвало вновь „штыки“. Начальник милиции пор. Лепарский донес командующему военным округом Оберучеву, что будто в первый день с'езда было решено захватить государственный банк и казначейство. В Киеве появились усиленные караулы. Это еще прибавило жару.

Первый крестьянский с'езд состоялся 28-го мая—2-го июня. Ни одного голоса не поднялось на с'езде о продолжении переговоров с Временным Правительством. С'езд избрал Всеукраинскую Раду Крестьянских депутатов, которая вошла в состав Центральной Рады. Им поручено: „а) немедленно выработать положение об автономии Украины и федеративно-демократическом строе Российской Республики; б) немедленно созвать с'езд представителей других народов и краев, которые добиваются федеративно-демократического строя; в) приложить все силы для ускорения организации Украинского Территориального Собрания“.

А в резолюции по земельному вопросу было указано, что вся земля на Украине должна быть

в распоряжени Украннского Земельного Комитета, и без его разрешения Российское Правительство не имеет право вмешиваться в земельные дела Украины.

На второй войсковой с'езд с'ехалось 2308 делегатов от 1,600.000 организованных солдат.

Уже по поводу запрещения с'езда военным министром Керенским была принята резолюция: „Признать запрещение с'езда военным министром не законным и свои постановления обязательно проводить в жизнь".

А в резолюции об отношении к правительству, во втором пункте, читаем: „предложить своему высшему представительственному органу — Украинской Центральной Раде *по этому вопросу* (автономии Украины В. С.) *к Временному Правительству больше не обращаться и немедленно приступить к твердой организации края в согласии с национальными требованиями, именно фактического проведения в жизнь основ автономногостроя, как единого способа спасения Украины и всей России от беспорядков и гибели. С'езд со своей стороны гарантирует самую активную и решительную поддержки во всех ее выступлениях и призывает весь* организованный народ единодушно и неуклонно исполнять все ее постановления".

С'езд дальше постановил, чтобы: 1) „Высшее российское военное начальство немедленно провело по всем приказам утверждение Украинского Военного Генерального Комитета; 2) Все обращения Украинского Генерального Военного Комитета к высшему российскому командованию должны

признаваться и исполняться им обязательно и 3) чтобы *все постановления* Украинского Генерального Военного Комитета *проводить немедленно в жизнь*".

На обоих с'ездах заметно расширилось „самостийницкое" течение.

Довольно ждать, довольно просить, нужно брать и не автономию, а самостоятельную Республику! Нужно пополнить Центральную Раду представителями крестьянских у войсковых депутатов и назвать ее Временным Национальным Правительством; поручить ей созвать в Киеве Учредительное Собрание, которое должно установить порядок, сейм и земельные законы; послать представителей Украинского Правительства на мирную Конференцию и украинских социалистов на Стокгольмскую Конференцию; провести до конца украинизацию войска и с 15 июля все подати с украинского населения должны поступать исключительно и непосредственно в распоряжение Центральной Рады.

За этими требованиями нельзя не признать логичности и соответствия настроению с'езда. И все же с'езд не согласился с ними. С'езд вплотную подошел к вопросу о республике, но сознание, мысль не шла еще так далеко и даже боялась непривычных заключений.

Для уяснения „самостийництва" с'езда, характерно заявление одного из делегатов на Войсковом с'езде.

„Как мы стали самостийниками?"—рассказывал он. „Узнали о запрещении с'езда, об ответе

на украинские требования Временного Правительства и поняли, что довольно просить, нужно самостоятельно проводить в жизнь свою работу и поэтому и называли себя „самостийниками". Но теперь мы увидели, что есть „самостийники", которые хотят создать особое Украинское Государство. К этой партии мы не принадлежим".

Вот это настроение, а также и фактическое положение украинского вопроса, сумел выразить В. Винниченко, у с-д, в своей речи:

„Мы требуем автономии Украины с правом законодательской инициативы и издания законов с нашим собственным правом отмены их. Иных требований мы *в настоящий момент* (курсив мой В. С.) не должны пред'являть Может быть, когда нибудь обстоятельства так изменятся, что мы наглядно убедимся, что у нас с Россией не может быть братской, общей жизни. Но в настоящий момент никакого основания для этого нет. Так или иначе, а мы должны признать, что за двести, триста лет мы срослись с Россией.

Кое кто говорит: почему бы нам сейчас не основать свою Республику, как основываются Переяславские Республики? Я скажу открыто: *путь восстания с фактической стороны для нас не возможен,* (курсив мой В. С.). Если бы началось восстание, то наши крупные города не пошли бы с нами. Они будут нашими через два-три года. Сейчас мы имели бы силу только в селах, и довели бы страну до резни, до анархии. А до этого мы обязаны не допустить. Только для того, чтобы одним годом раньше достигнуть того,

чего и так добьемся (курсив мой В. С.),—мы этого не сделаем Если прогадаем, то уже не на один год. Захватывать власть мы не желаем. К этому со временем придет само собою".

С'езд избрал Всеукраинскую Раду Войсковых Депутатов, которая полностью вошла в Центральнию Раду. Центральная Рада в новом своем составе выработала 1-й Универсал объ автономии Украины и внесла на С'езд. Универсал вызвал чрезвычайный взрыв энтузиазма на с'езде, а также среди украинских масс всей Украины. В Универсале было сказано:

„Лучшие сыны твои, выборные люди от фабрик, сел, солдатских казарм, от всех обществ и товариществ украинских выбрали нас, Украинскую Центральную Раду и наказали нам стоять и бороться за права и вольности украинской земли.

Твои, народ, выборные люди выразили свою волю так:

Пусть будет Украина свободной. Не отделяясь от всей России, не разрывая с Российской Державой, пусть народ украинский на своей земле имеет право управлять своей жизнью.

Пусть порядок и строй в Украине создаёт—выборное общим, равным, прямым и тайным голосованием — Всенародное Украинское Собрание (Сейм) Все законы, которые должны создать тот порядок у нас на Украиее имеет право издавать только наше Украинское Собрание.

Те же законы, которые должны создать порядок по всей Российской Державе, должны издаваться Всероссийским Парламентом.

Никто лучше крестьян не может знать, как управлять своею землею. И поэтому мы хотим, чтобы после того, когда будут отбраны по всей России помещичьи, казенные, царские, монастырские и иные земли в собственность народа, когда будет издан об этом закон на Всероссийском Учредительном Собрании, право управлять нашими украинскими землями, плаво пользования ими принадлежало только нам самим, нашему Украинскому Собранию (Сейму)

Так сказали выборные люди всей Украинской земли.

Сказавши, так, они выбрали из своей среды нас, Украинскую Центральную Раду, и наказали нам быть во главе нашего народа, стоять за его права и создавать новый строй в свободной автономной Украине.

Рада обратилась к Временному Правительству, чтобы оно признало автономию Украины, имело при себе Комиссара по украинским делам, назначило Комиссара на Украину, который бы об'единил местные органы управления и чтобы была ассигнована часть тех денег, которые собираются в Украине, на национально-культурные нужды края.

Но все эти требования Временное Правительство отклонило.

„И теперь, народ украинский, нас пвинудили, чтобы мы сами устраивали нашу судьбу. Мы не можем допустить наш край до безпорядков, до разрушения, Если Временное Правительство не может устроить порядка у нас, если не хочет

стать рядом с нами к великой работе, то мы обязаны сами взять ее на себя. Это наша обязанность перед нашим краем и перед теми народами, которые живут на нашей земле.

И поэтому мы, Украинская Центральная Рада, издаем этот Универсал ко всему народу и об'являем: *„отныне мы сами будем устраивать нашу жизнь"* (курсив мой В. С.).

Центральная Рада призывает всех членов нации к работе и предписывает со всякими делами обращаться к ней и завязать теснейшее сношение с нею, перевыбирать администрацию на украинскую, сговориться с демократией национальностей, состоящих в меньшенстве, и налагает особые подати для родного дела.

Таково содержание этого громадной исторической важности Универсала.

Опубликованием первого Универсала кончается первый этап Украинского национального движения. Центральная Рада из междупартийной организации в течение этих трех месяцев сложилась в сильную организацию, которая обладала моральным авторитетом национальной власти.

Правда, рядом с нею конкурировали во всех городах Украйны Советы Раб и Солд. Депутатов. Военные гарнизоны были не украинскими. Рабочий класс авангарда составлялся также, главным образом, из не украинцев, и не увлекался так национальными девизами.

Это внесло рознь между солдатами и рабочими. Украинские рабочие и солдаты больше дер-

жали сторону Ц. Рады; не Украинские рабочие не хотели признавать ее, холодно и частью враждебно относились к украинскому движению. Эта враждебность выразилась еще, как борьба украинской деревни с неукраинским городом. Отрицательным отношением к украинскому движению об'ясняется и тот факт, что на Украине не создался авторитетный центральный орган таких влиятельных организаций, какими были Советы. Была, правда, попытка составить такой Областной Комитет для 5-ти Украинских губерний: Киевской, Волынской, Подольской, Полтавской и Черниговской,—но эта попытка окончилась полным крахом. Конференция была поставлена перед „фактом" наплыва украинской деревни Организаторы Конференции Киевские меньшевики запутали дело, и Конференция была фактически сорвана. Формально существовал Временный Областной Комитет, но никакой деятельности он не проявил, да и не мог проявить, ибо все Советы стояли, так сказать, лицом к Петрограду, где бился пульс революции, и спиною к Киеву, который неприятно поражал их своими непонятными для них требованиями, в то время, когда разрешался основной вопрос о расширении революции. Украинские Советы Солдатских и Рабочих Депутатов не собрались с силами ответить на те вопросы, которые выдвигала перед ними жизнь. Поэтому, вместо ослабления остроты национальной борьбы, они фактически становились ее участниками, причем на стороне сильного,—что еще

сильнее разжигало национальное чувство украинских масс.

IV.

Автономная Украина.

Как встретили Универсал различные российские партии? С. Р. и С. Д. меньшевики признавали за украинским народом право на самоопределение, но обрушивались на „сепаратное" разрешение этого вопроса и ссылались на имеющее быть Учредительное Собрание.

К. Д. пресса усмотрела измену и „Речь" прямо писала, что Универсал выполняет планы германской штаб квартиры.

Только С.-Д. большевики приветствовали в „Правде"—Универсал.

Но Универсал, провозглашение автономии, стал „фактом", с которым надо было считаться, и нельзя было отмахнуться одной лишь моралью.

Первый Всероссийский Съезд Советов Р. и С. Д., который как раз заседал в Петрограде, Съезд, в котором руководящую роль играли с. р. и с.-д. меньшевики, которые боялись, как бы не разрушить и без того шаткую коалицию к-д, должен был принять резолюцию, чтобы Временное Правительство признало автономию Украины.

Временное Правительство, всполошенное неожиданным ходом событий, не знало, что делать: репрессиями ли задушить „сепаратизм", или согласиться. Для репрессий не было сил, ибо да-

же у себя в Петрограде,—где заседал Всероссийский С'езд Советов, прикованный „министрами-социалистами" Черновым, Церетелли, к „коалиции", и поддерживавший коалицию всеми резолюциями, - Временное Правительство не имело на что опереться. Пролетариат и солдаты были не на его стороне.

Воевать с далеким Киевом—где уж!

Да и не „демократично" это для „министров-социалистов" и „демократии"—и потому лучше притти к соглашению. Как первый шаг, был издан манифест, призывавший к соглашению и обещавший „загладить все следы гнета, который перенес этот народ", и притти к соглашению с общественными демократическими организациями Украйны, чтобы вместе укрепить права украинского населения и облегчить „переход" к новому строю и т. д.

Но уже было поздно...

Тем временем в Киеве на заседании Центральной Рады 15-го июня был создан Генеральный Секретариат, как исполнительный орган Ц. Р.,—Временное Правительство украинской национальности, как называла Секретариат „Робітнича Газета", орган у. с. д., из представителей которой составился главным образом первый Секретариат.

И 26-го июня в декларации Генерального Секретариата, оглашенной в Центр. Рад. уже значилось: „Мы вступили в эту зону, где стираются границы двух властей, моральной и публично правовой. Мы уже не можем сказать, в какой

половине мы больше или меньше стоим. Размер и сила нашей моральной власти настолько разрослись, что она сама собой, под натиском логического хода событий, безболезненно и без потрясений переходит в действительное народоправство".

Что же касается Временного Правительства, то было указано.

„Здесь нет враждебности к Петрограду, но есть полнейшее безразличие к нему, ибо украинская демократия имеет свою собственную власть, которую сама создала и какой целиком доверяет".

Манифеста было слишком мало в ответ на эти события, необходимо было что-нибудь иное.

Лучше комиссии „для изучения украинского вопроса на месте" ничего придумать нельзя было. Комиссия должна была выехать в Киев, ибо нельзя было надеяться, что придут те, которые только что констатировали свое „полное безразличие".

Кадетские министры долго не соглашались войти в эту комиссию, ибо с самого начала было ясно, что эта комиссия не может закончится так как заканчиваются всякие комиссии, когда хотят похоронить вопрос по первому разряду.

Но все же пришлось... Нельзя же было Временному Правительству — „коалиционному" послать только „социалистов", которые хотя и напрактиковались на посылках у кадет по части „республики (Кронштадской и др.), но здесь „особая статья".

29 приехали министры в Киев и имели совещание с Радой, во время которой состоялась украинская манифестация, 30 — в Совете, а 1 июля

посоветовавшись с Радой, выехали в Петроград. 2-го состоялось заседание Временного Коалиционного Правительства, была издана декларация по украинскому вопросу на основании Киевского соглашения, и того же второго июля кадетские министры вышли из состава Временного Правительства вместе с другими и из-за... украинского вопроса.

Декларация принципиально признавала автономию Украины, признавала Центр. Раду, после пополнения ее представителями иных национальностей, живших на Украине, и созданный после того Генеральный Секретариат за орган управления краем, заявляла, что Правительство „отнесется сочувственно к разработке" пополненного Радой проэкта национально-политического и земельного вопросов Украины для внесения этих проэктов в Учредительное Собрание. В военном вопросе признан был невозможным переход во время войны территориально национальному комплектованию войсковых частей, создавание новых частей допустимо лишь постольку, „настолько такая мера по определению Военного министра будет представляться возможной с технической стороны и не нарушит боеспособности армии", и допускались делегаты украинцы в кабинет Военного министра, в штабе и при Верховном Главнокомандующем.

2-й универсал, изданный на основании этой декларации, сравнительно с первым, есть шаг назад. Завоевания были неясны, ничего определенного не давали, и могли быть „раз'яснены" каждую минуту, что вскоре и случилось.

Что же принудило Центральную Раду к такому соглашению? И почему кадетские министры покинули министерство тотчас же, после издания декларации?

Дело в том, что до этого времени революция развивалась в „мирных“ формах. „Мирная“ революция в феврале,—после короткого промедления и неудачных попыток ставших скоро „революционными“ генералами, как Алексеев и ему подобны повернуть назад к „конституционной монархии“, чтобы возвести на престол царя Михаила Александровича,—признана была даже злейшими врагами ее во главе с кадетами, лидер которых Милюков—патриот par excellnce—заявлял, что лучше поражение, чем революция.

После того, как с „конституционной монархией“ дело не вышло, правительственная партия надевши на скорую руку республиканский армяк специализировалась на „срывах“ революции, на великих и малых „исторических провокациях“ до тех пор, пока новая революция в октябре не вырвала из рук капиталистов и помещиков власть и не пустила без работы волчьи зубы буржуазной контр-революции.—Первая „историческая провокация“ была испробована еще в апреле, когда известная нота 18 апреля вызвала сильное движение недовольства всего пролетариата и войск Петрограда, и когда Корнилов, тогда командующий войсками Петроградского гарнизона, вызывал вооруженных солдат и артиллерию из Михайловского артиллерийского училища на помощь Милюкову. Но из этого первого опыта ничего

вышло, кроме позора. Милюкова с Гучковым и Корнилова „ушли“ рабочие и солдаты. Стало ясно, что без подготовки ничего не выйдет.

Эта подготовка была сделана во времена второго Временного, а первого Коалиционного Правительства, когда „министры-социалисты“ пошли в „заложники“ буржуазии, чтобы, сломить ее „сопротивление“.

В то время, как „министры-социалисты“ в своих министерских синагогах составляли проекты о „безпощадном обложении прибыли в размере 100 проц. и „социализации“ земли... в Учредительном Собрании, о борьбе с контр-революцией сговорчивостью и уступками (ласковый теленок— двух маток сосет!) и одновременно с тем разоружали рабочих и солдат, сажали в тюрьмы крестьян, которые не хотели ожидать „учредительной социализации“, ездили ликвидировать всякие „Республики“,—как раз в то время набирались ударные баталионы мужские и женские, на важнейших военных местах сели „революционные“ генералы и „сам“ Корнилов очутился средь них Главнокомандующим. И, что особенно важно, ударные баталионы мужские были Корнилова, а Керенскому были оставлены женские.

Он так любил розы...

А когда ударные баталионы Корнилова были созданы, юнкирские училища тоже прибраны им к рукам, оставалось сделать еще одну „подготовку“—„подготовить общественное мнение“. Здесь уж без „социалистов“ обойтись никак нельзя было.

Наступлением 18 го июня Керенский испол-
нил „волю своего господина“, как лучше быть не
может. Когда голодная, разутая, без пополнения
свежими частями, измученная тремя годами не-
слыханной войны, армия побежала,—побежала, не
глядя на пулеметы ударников, которые были очень
храбры по отношению к своим, но не к немцам,—
когда это случилось, „общественное мнение стра-
ны“ сразу было подготовлено к введению смерт-
ной казни, только не для тех, которые вели в
бой, заранее зная, что из этого выйдет.

Но на пути опять стал петроградский проле-
тариат и часть гарнизона, которые никак не мо-
гли понять необходимости для них смертной казни.

И тут свершилась вторая „великая истори-
ческая провокация“. Чтобы умыть руки в разгро-
ме армии, в результате наступления 18 июня,
чему они приложили больше всего сил, и обви-
нить „революционную демократию“, которая ста-
новится поперек дороги „необходимым мерам дл
спасения страны“—кадетские министры вышли и
состава правительства, вновь вызвали рабочих
солдат на улицу—и свершилась кровавая баня.

Пролетариат и „анархические“ полки был
разоружены и стали выводиться из Петроград
на фронт, а на их место приходили „надежные“
Смертная казнь тотчас же была введена, прав
только на фронте, по требованию Корнилова, к
торый становится Верховным Главнокомандующи
с благословения „министров социалистов“.

И вот как раз во время отступления арми
и реакции „общественного мнения“ происходил

переговоры Рады с министрами. Реальных вооруженных сил было недостаточно, реакция победила и среди украинского „общественного мнения".

Рада согласилась...

Киев также стоял накануне таких же событий, какие творились в Петрограде 3—5 июля, имел свою „большевистскую заразу".

На Грушках собралось несколько тысяч солдат-украинцев, которые хотели, чтобы им было присвоено наименование полка имени гетмана Полуботка. Раздетые и босые солдаты показались очень ненадежным элементом — ну и нужно было избавиться от них... Сказать, что они были „большевики", нельзя было (ибо у нас на Украине большевиков нет, это только у кацапов они имеются), но „дезертиры", темные элементы" и т. д.—можно было.

Их разоружили и отправили на фронт. В чем была их вина? В „Киевской Мысли" и „Новой Раде" кроме бабских страхов, явно лживых, что они будто хотели захватить власть и т. д.,— ничего не найдем. А вот в с.-д. „Робітничей Газете" имеем сведения: „Как выяснилось уже вчера утром, эти безпорядки не были обдуманным, а тем более умышленным намерением внести дезорганизацию в организованность украинских революционных сил; с другой стороны, еще точнее выяснилось, что участники не имели намерения захватить власть. Секретариат Центральной Рады на первых переговоров с участниками безпорядков увидел, что это движение вообще не имеет политического характера, а непосредственной и

действительной его причиной была хозяйственная - нераспорядительность местных командных властей, которые не смогли согласовывать свои поступки с деятельностью власти организационной". Сами Генеральные Секретари Винниченко и Петлюра сообщают, что Полуботковцы были сразу успокоены, когда 3 й авио-парк—(как на грех большевистский, который потом познал милость Ц. Р.) накормил их и разместил по своим мастерским.

Несмотря на это, с благословения того же Винниченко и Петлюры, Полуботковцы были разоружены 1-м полком имени Богдана Хмельницкого, под командой самого Капкана.

И „Робітнича Газета" в один миг повернулась, и с ее пера сыплются уже иные фразы. Оказалось, что это началось с того, что один из членов клуба имени гетмана Полуботка подговаривал собравшихся на распределительном пункте солдат не слушаться Генерального Комитета, не итти на фронт, пока они не будут сформированы в полк имени гетмана Полуботка. А вспомните друзья середину апреля, когда также собралось 3.000 солдат-украинцев, желавших итти только под своим знаменем, своим полком!

А богданцам вскоре разъяснили их роль в деле Полуботковцев, когда через три недели их провожали пулеметами кирасиры. Плакали богдановцы, вспоминая полуботковцев! Плакался и Секретариат —но было поздно!

Контр-революция делала одно дело, когда разгружала от „анархических" войск Петроград и Киев

Одиннадцатого июля состоялся первый Всеукраинский с'езд рабочих.

На этот с'езд прибыло около 300 делегатов. По своему партийному складу половина принадлежала к украинским с.-д, а остаток—к украинским с.-р. и безпартийным. Во время с'езда партийная диференциация сделала шаг в том направлении, что безпартийные исчезают. Когда избирались на с'езде различные комиссии, в какие должны войти только с.-д. и с.-р. на половину, безпартийные запротестовали против такого решения и покинули заседание Но на следующее заседание они вновь пришли, и их представитель во внеочередном заявлении просил у с'езда извинения за то, что на предыдущем заседании безпартийные слишком остро реагировали на отношение большинства...

(Прости мене моя мила, що ты мене била! .)

А при выборах в Центральную Раду рабочих депутатов о безпартийных уже не слышно, и Рада в числе 100 человек составляется исключительно из с.-д. (70) и с. р. (30). С'езд уделил очень много внимания тогда текущим вопросам о наступлении на фронте, находившемся в то время Тарнопольского прорыва, о создании нового Правительства после выхода кадет, о большевиках, которых расстреливали и сажали по тюрьмам.

С'езд в большинстве разделял мнение Винниченко, который выступил первым докладчиком. Между двумя стульями, так можно назвать позицию докладчика и даже всей партии по всем основным вопросам. С одной стороны, наступать не нужно

было; нужно было правительству лучше прислушаться к голосу народа. С другой стороны, нельзя согласиться и с большевиками, которые ведут агитацию против наступления.

С одной стороны, к.-д. ведут чисто провокационную тактику. Они тихонько, осторожно стараются дискредитировать Революцию, устраниться от всякой ответственности и для этого отказываются от портфелей и насильно суют их в руки социалистов.

С другой стороны, нельзя согласиться и с теми, кто агитирует за социалистическое министерство и за переход власти в руки Рад (Советов) Рабочих и Солдатских Депутатов.

С одной стороны,—нужно признать, что большевики имеют под собой почву, и если бы не они, то Революция не продвигалась бы вперед. Что большевики, может быть, самые искренние люди, которые больнее всех чувствуют все ужасы войны, и вполне справедливо подчеркивают все те мерзости, которые имеются в нашей жизни.

Но, с другой стороны,—нужно с ними бороться, ибо согласиться с ними невозможно, они хотят слишком-много, и к ним примазывается очень много отрицательных элементов (что замечается также и среди украинского движения, добавил г Винниченко). Но что делать? Есть умеренная середина, в которой стоят люди, которые стремятся всегда к тому, чтобы вести определенную линию (!) не глядя на все старания противоположных сторон согнуть эту линию в ту или другую сторону. На этой середине стали социа-

листы и им нужно бороться и направо с к.-д., и налево—с большевиками.

Определенная линия—это линия „коалиционного" Правительства, соглашения с „ответственной частью буржуазии, это позиция неустойчивого равновесия, которая дала столь ясные последствия в выступлениях Корнилова, в появлении гетмана Скоропадского. Это линия громких речей министров или секретарей—социалистов, и выразительного, твердого и решительного дела Милюковых, Корниловых, Алексеевых, Скоропадских и Каиканов.

Эти колебания, это „с одной стороны, нельзя не сознаться, с другой стороны, нельзя не признаться", пронизывает красной нитью почти все заседания, все доклады, все речи членов с'езда.

Что же касается украинского вопроса, то с'езд призывал к поддержке Центральной Рады и Генерального Секретариата в их работе по созданию основ автономии Украины.

На с'езде возникло характерное столкновение между с.-д. и с. р. по поводу революции по земельному вопросу. Украинские с.-р. формулировали первый пункт, что собственность на землю уничтожается. Большинство у. с.-д. провели свою революцию, где в соответственном пункте было сказано, что земля исключается из товарного оборота(?).

После этого с.-р. даже покинули заседание во время голосования резолюции с протестом против того, что «с'езд в лице его с. д-ского

большинства, отказался принять постановление, вынесенное Всеукраинским Крестьянским С'ездом".

С'езд оставил после себя Всеукраинскую Раду Рабочих Депутатов в числе 100 человек, которая вошла в состав Центральной Рады. Какой-либо значительной роли она не играла, свято выполняя завет своих вожаков Тем временем 12 июля Ценральное Правительство попросило Генеральный Секретариат в Петроград. Но войти в соглашение с национальными меньшинствами и избрать новый Секретариат удалось только 15-го, и тогда в Петроград поехала делегация от Секретариата.

Более двух недель пробыла делегация в Петрограде, пока удалось притти к определенному „соглашению". Но такому соглашению, что еще две недели пришлось чесать затылок и думать принять ли соглашение или отклонить?

Это было как раз во время глухой политической реакции.

Под влиянием поражения армии и „большевистской анархии" как раз на территории Украины в первую очередь, „общественное мнение" не только России, но и украинских буржуазно-демократических кругов соглашалось легко на смертную казнь для „товарищей", дезертиров" и т. д. Это было время, когда Корнилов стал диктатором на фронте и подготовлял диктатуру во всей Росси. Это было время, когда революционные организации, Комитеты, Советы, Рады —ограничивались, уничтожались. Это было как

раз по середине той эпохи между двумя „великими историческими провокациями", которая началась расстрелами рабочих и солдат 3—5 июля в Петрограде, а окончилась выступлением Корнилова в конце августа.

Ничего нет удивительного, что секретари чувствовали себя в Петрограде не совсем хорошо. По словам Винниченко, делегация чувствовала себя в Петрограде, как арестант в тюрьме, который ждет каждую минуту: осудят или помилуют? Не раз являлся вопрос: не отказаться ли от секретарства? Дни за днями шли, заседания, которые предназначались для обсуждения „инструкции" Секретариату, не могли состояться, ибо были более неотложные дела, как совещание с главнокомандующим Корниловым и т. д. А тем временем выплывали одна за другой „малые исторические провокации"—немецкие и австрийские деньги в украинском движении, сношение украинцев с австрийским и немецким командованием и другая тому подобная чепуха, история с богданцами и т. д.,—и на все приходилось отвечать, раз'яснять никчемность этих слухов, и в то же время видеть, что как раз на эти грибы дождь выпал.

Только 4 августа появилась „инструкция" Генеральному Секретариату, которая так отличалась от статута Секретариата, составленного Центральной Радой 16 июля, как небо от земли. Не придя ни к какому соглашению в Петрограде, возвратилась в Киев часть делегатов, и там началось обсуждение: принять или отклонить? Все

недовольны. Все обрушиваются против „плода незаконного сожительства социалистов с к.-д.“.

Но что делать? Украинский с.-р. и националисты стоят за то, чтобы отклонить и повести открытую борьбу. У. с. д. и федералисты стоят за соглашение, принимая во внимание шаткое положение революции и рост контр революции. А малые „исторические провокации“ идут своим чередом. В французской газете печатают интервью Винниченко, и вся буржуазная пресса перепечатывает и перетолковывает на все лады австрофильство самого главы Генер. Секретариата. Винниченко должен выступать с протестом против неправильной передачи его беседы. Но напрасно! Реакция знала, что делала. Клевещи, клевещи, что нибудь да останется! —говорят французы. Военному Секретариату приходится официально выступать, отбрасывать и оправдываться от тех слухов.

А военное министерство спешит пояснить Войсковому Генеральному Комитету, что вмешиваться в распоряжения военных властей запрещается. Дело шло к ликвидации соглашения 3-го июля.

Ничего нет удивительного, когда как раз во время обсуждения инструкции, из Петрограда, от своих делегатов и комиссаров, Рада получила совет: берите хотя то, что дают, ибо будет дальше —неизвестно.

Люди были те самые, но реальное соотно

шение сил у общества стало иным,—как раз против революционных организаций.

Рада должна согласиться, пережив кризис своего Секретариата.

В чем была разница между „инструкцией“ и „статутом?“ Инструкция, также как и статут, признает Генеральный Секретариат „высшим органом управления“ на Украине до Учредительного Собрания. Но власти Секретариата, по инструкции, подлежат лишь пять губерний: Киевская, Волынская, Подольская, Полтавская и Черниговская (без четырех уездов). Секретарей вместо 14-ти должно быть 9, из них 4 (и потом 3) неукраинца. Военные дела, железные дороги, почта и телеграф, продовольственные дела—не подведомственны Секретариату. Секретари „назначаются“ Временным Правительством по предоставлению Рады. „Генеральный Секретариат рассматривает, разрабатывает, и представляет на утверждение Временного Правительства предложения, касающиеся жизни края и его управления Предложения эти могут быть (!) предварительно представления их Временному Правительству, внесены на обсуждение Центральной Рады“.

Относительно этого статут гласит: „Генеральный Секретариат передает для санкции Временному Правительству те законопроекты, которые рассмотрены и утверждены Центральной Радой“. Дальше статут гласит: „Свою власть Генеральный Секретариат осуществляет через все правительственные органы на Украине.

„Все правительственные органы на Украине

подчиняются власти Генерального Секретариата. Генеральный Секретариат устанавливает, какие органы, в каких границах и в каких случаях могут сноситься непосредственно с Временным Правительством.

„Все правительственные должности на Украине, когда они не являются выборными, замещаются Генеральным Секретариатом или подчиненными ему органами".

Инструкция: „По всем делам местные власти края обращаются к Генеральному Секретариату, который, по сношении с Временным Правительством, передает указания и распоряжения последнего местным властям". „Генеральный Секретариат представляет кандидатов (!) на правительственные должности, которые замещаются по назначению (!) Временного Правительства".

И даже как передаточную канцелярию Генеральный Секретариат можно было каждый раз обойти.

„В срочном и нетерпящем отлагательств случаях высшие государственные установления и ведомства сообщают свои постановления местным властям непосредственно, извещая одновременно о своих распоряжениях Секретариат".

Справедливо указывалось, что Секретари становятся чиновниками Правительства.

А потом посыпались еще „пояснения" от малых и больших властей.

Рада и украинский народ переживали глухую пору, как и Советы и вся революционная демократия.

В Генеральном Секретариате начался хронический кризис и началась секретарская чехарда, которая окончилась только в середине сентября, когда началось повышение революционного движения.

12-го августа розыгрался исторический фарс — Московское Совещание, которое имело задачей соединить буржуазию с „революционной демократией", но в действительности стало парадом Корнилову, Каледину, кадетам, под чью дудку плясал Керенский (ünf К.) пять К, которые выступали каждый раз вместе во всех как трагических, так и комических моментах революции, пока переворот в октябре не разбил этого симбиоза генеральских эполетов, лампасов, толстого кармана и адвокатского сюртука.

Центральная фигура—Корнилов, центральный вопрос—смертная казнь. Вы согласились и благословили мою диктатуру и смертную казнь на фронте, но после Тарнополя. Смертная казнь и диктатура необходимы во всей стране „для спасения родины". Вам нужна Рига? И храбрый генерал отдал Ригу на следующий день после Совещания. Пробил час, и 28 августа Корнилов шлет полки против „большевиков" на Петроград и требует назначения его диктатором для спасения отечестаа.

„Великая историческая провокация" лопнула и потянула за собой лохмотья „соглашательства" классов, надсмеялась над об'ятиями Церетелли и Бубликова, разорвала мещанское соглашательство К. в 3-й раз показала голую, неприкрытую дей-

ствительность, настоящую правду „коалиции“ с соответственными кругами капиталистов и помощников—контр революционную гражданскую войну.

Мещанская революционная демократия боялась открыто взглянуть действительности в лицо, но хватилась за лоскутья, сшивала белой ниткой, —„боролася“ с контр-революцией по образцу страуса, который прячет голову в песок, когда приближается опасность.

После Московского фарса — трагедия конца августа и начала сентября, а ответ на трагедию —новый фарс, на этот раз „демократический“.

Демократическое Совещание должно было об'единить „революционную демократию“, создать предпарламент, покончить с гражданской войной и Корниловщиной тем, что все останется по старому.

Но довольно уже старыми лоскутьями закрывать оскаленные зубы контр революции. Стало ясно, что только решительная победа над контр революцией, переход власти не к маргариновым „предпарламентам“,—а к действительным революционным органам пролетариата и крестьянства—Советам, положит конец кровавой игре пяти К.

Началась горячка мобилизации сил с той и другой стороны к решительному бою, вновь революционное движение начинает итти вверх и чем дальше, тем выше и скорее.

Украинские партии тоже принимали участие в этих совещаниях. В своем вопросе на Московском Совещании, где шла речь о ликвидации

„анархии", в правительственной декларации они услышали о неблагодарности „малых народностей" да обещание наделять всяким добром после Учредительного Собрания.

А на демократическом совещании тоже ничего, кроме совета подождать до того же самого Учредительного Собрания, не услышали.

После Московского Совещания „Робітнича Газета" писала: „Если у революционной демократии Украины до Совещания оставалась какая нибудь надежда притти к соглашению с Российской демократией для энергичной, об'единенной работы без взаимных угроз, и без реального для того подсчета сил, только на основе справедливости и революционных идеалов, и делались пробы соглашения в том направлении,—отныне резкая граница ложится между нами".

А после демократического совещания, один делегат—Порш (У. с-д) говорил в Раде. „Нам трудно теперь ждать чего бы то ни было не только от правительства, но и от российской демократии". Другой делегат, Шаповал (у. с.-р.) добавил: „Демократическое совещание дало нам хорошую науку, и теперь мы знаем, что можно ожидать от Российской демократии, и что нам даст Учредительное Собрание".

8—16 сентября в Киеве состоялся с'езд „недержавных народов" России, созванный Центральной Радой Он внес некоторое разнообразие в тусклую национальную жизнь, сравнительно с предыдущими днями. Но сколько нибудь значительного влияния на укваинское национальное

и общероссийское движение он не имел. С'езд стоял за демократическую Федеративную Республику, на основе самоопределения народов

Однако все эти Совещания, С'езды в связи с выступлением Корнилова, разсеяли тот мрак, который налег под влиянием злосчастного наступления 18-го июня, смертной казни, разгрома армии и т. д.

Пала повязка с глаз, и действительная революционная демократия стала организоваться. Советы переизбрались, требовали и готовились ко второму С'езду Советов, на который возлагали все надежды по вопросу о власти, войны и мира, контроля земли. Со всех сторон России приходили известия, что большевики крепнут.... Лозунг: „Вся власть Советам"! — становится общим.

Контр-революционные силы, сбитые немного со своих позиций, но не раздавленные, так же продолжают свою организацию и очевидно готовятся к новому выступлению. Наступление немцев продолжается. Немецкий флот появляется в Балтийском море, захватывает Моон-Зундские острова, немцы угрожают Петрограду... Но это еще сильнее укрепляет организацию сил пролетариата и солдат. Угроза Рябушинского задушить революцию „костлявой рукой голода", речь Родзянко: „Бог с ним с Петроградом, там погибнут кое-какие центральные органы (Советы), да и Балтийский флот, ибо там господствует „большевистская зараза"; — все это вызывает сильное на-

пряжение сил время не терпит, и буржуазия на все готова.

Это движение отзывается и на украинской жизни, оживляет ее.

24-го Секретар ат извещает, что внутренняя организация его окончилась, и он приступил к работе, берет власть в свои руки — на основании соглашения 3-го июля.

В декларации, прочитанной в Раде 29 сентября, он ставит заданием расширение тех границ своей власти, которые установлены инструкцией 4-го августа.

Декларация ставит задачей Секретариата об'единение всей украинской земли и всего украинского народа в единую автономную единицу, расширение дел и компетенции Секретариата, пополнение его по делам: военным, продовольствия, железных дорог, почт и телеграфов; подготовку земельного проекта, создание земельного банка, подготовку закона о выборах в Учредительное Собрание и созыв его, борьбу с анархией и контр-революцией, организацию „вольного казачества" на местах и т. д.

Начинается оживленная работа в украинских организациях. Решено созвать на 20-е октября третий Войсковой С'езд одновременно с Российским Вторым С'ездом Советов.

Подготовляются проекты выборов в Украинское Учредительное Собрание.

Вокруг этого, собрания начинается борьба между украинской и неукраинской демократиями в лице с. д. и с.-р. и российских с.-д. и с. р.

Крепнет настроение, что волю Украины можно добыть только собственными силами, расширяется самостийницкое движение.

Во время дебатов в Центральной Раде об Учредительном Собрании лучше всего выразил настроение украинской с.-р. Шаповал: „Русские могут быть суверенны, а украинцы нет? Можно ли это допустить? Или разве можно допустить, чтобы нашу автономию в Российском Учредительном Собрании обсуждали буряты и хунхузы? При обсуждении условий мира русские и их союзники вспомнили всех, только об Украйне забыли... Значит, мы от немцев должны ждать себе автономии? (Смех). Нам необходима свобода и мы будем бороться за нее. Нечего бояться гражданской войны. Главный наш враг—руссоцентризм, и мы в борьбе с ним пойдем до конца, как предшествующие революционеры прибегали ко всем средствам при борьбе со старым правительством".

От „соглашения" украинское движение переходит к революционному проведению в жизнь реформ, указанных в декларации.

Временное Правительство встревожилось и требовало приезда Председателя и двух Секретарей в Петроград, чтобы дать об'яснение по поводу Учредительного Собрания.

Но уже было поздно... Украинство стояло накануне третьего войскового с'езда который сыграл столь же великую роль в украинской жизни, как и все войсковые с'езды, а само правительство доживало свои последни дни.

24-го октября в Петрограде власть перешла

в руки Петроградского Совета, 25-го открылся Второй С'езд Советов, создалось новое, Рабоче-Крестьянское правительство, Совет Народных Комиссаров, который стоял совсем на противоположной позиции по отношению к украинскому движению.

Революция в октябре разбила все преграды, которые стояли на пути национально державного устройства Украины. Национальные цены пали, также как упали преграды на пути разрешения других вопросов, которые стояли на очереди дня.

Предшествующее организационное движение выливается в ясные законченные формы.

В ноябре Центральной Радой провозглащается *Украинская Народная Республика* в составе *Федеративной Российской Республики*.

Третий войсковой с'езд, а также время до 7-го ноября очень богато событиями и силой движения, но они уже относятся к новому периоду истории революционного движения на Украйне.

Октябрьская революция и Украинская Народная Республика.

3-й Войсковой С'езд собрался 20-го октября в Киеве. Самостийницкое течение сравнительно с предыдущими Войсковыми С'ездами усилилось и обострилось. „Союз Украинской Державности" пользовался большим влиянием в полку имени Богдана Хмельницкого. Но более широкие демократические круги с'езда к ним не склонялись в виду их враждебного отношения к социальным задачам, задачам, в особенности в вопросах зе-

мельных. Самостийничество связывалось с черносотенством, и потому большинство с'езда группировалось вокруг украинских с-р. и с. д. Но это не обозначало, что большинство с'езда предполагало и на дальше входить в соглашение с Временным Правительством, которое доживая последние дни в Петрограде, требовало Генеральных Секретарей к себе в Петроград. „Не нужно ехать!"—таков был ответ С'езда по поводу доклада Председателя Секретариата по этому вопросу. Правда, делегация все-таки выехала, но это не вина С'езда, как не вина Секретариата, что делегация до Петрограда не доехала, ибо уже 24-го октября власть в Петрограде перешла в руки Советов, которые собрались в то время на Второй С'езд.

На С'езде деятельность Генерального Секретариата была подвергнута довольно острой критике. „Ничего вы не сделали!"—слышались выкрики во время доклада Секретарей о том, что было сделано за 4 месяца.

С'езд был охвачен событиями, и не мог спокойно работать. Он образовал из себя полк для охраны революции, и собственно он вместе с украинским гарнизоном разрешил вопрос в то время, когда Секретари путались и строили разные комбинации с Войсковым Штабом, где засели Корниловские генералы и приверженцы Керенского, а также с казаками с'езд которых как раз происходил в это время в Киеве.

„С кем итти"?—был поднят вопрос на Войсковом С'езде, когда пришли известия о восста-

нии в Петрограде, и о походе Керенского с казаками на Петроград—„с Лениным или с Керенским"?

„С Лениным! С Лениным"!

Но громадное большинство стояло на том, что путь Украины особенный, ни с Керенским ни с Лениным.

Это был почти общий взгляд украинских масс, которые принимали участие в событиях этого времени. И этот взгляд отразился на всем поведении Центральной Рады и Генерального Секретариата.

25-го октября—5 ноября в Киеве было три политических центра: контр-революционный—Военный Штаб и казачество; украинский—Центральная Рада и третий войсковой—с'езд; революционный—Киевский Совет Солдатских и Рабочих Депутатов.

Центральная Рада силилась об'единить все эти центры, но из этого ничего не вышло и выйти не могло. Был образован Революционный Комитет Украины, в состав которого вошли с одной стороны с.-д. большевики, с другой казаки. Но казаки ставили условием своего вступления недопущение большевиков, а чтобы не терять времени, они вместе с Военным Штабом и Комиссаром несуществующего Временного Правительства захватывали центральные места Киева и принимали меры к обезоруживанию революционных войск. Представители так называемой „революционной демократии" бунда, меньшевиков и российских с.-р. — тоже добивались осуждения

„большевистской авантюры"—восстания революционных рабочих и солдат Петрограда. Центральная Рада вынесла резолюцию, в которой осуждала поддержку восстания на Украине, и большевики вышли из состава этого Комитета и образовали свой— при Совете.

Штаб окружил Совет вооруженными войсками, и Революционный Комитет должен был сдаться. В конце-концов дело решило украинское войско, которое соединило свои силы с революционными солдатами не украинцами и заставило казаков занять нейтральную позицию. Центральная Рада во время опасности со стороны казачества снова было склонилась на сторону Совета. А когда Штаб и казаки отступили перед украинскими и не украинскими революционными солдатами, Центральная Рада вновь повернула к соглашению с Штабом.

В результате власть на Украине очутилась в руках Центральной Рады, и как последствием этого была провозглашена 7-го ноября 3-м Универсалом—Украинская Народная Республика в Федеративном союзе с Россией. Но этим борьба не окончилась. Наоборот, новая Республика родилась во время острой гражданской войны и не могла быть счастливым островом „мира и покоя" среди бурлящего моря отчаянной классовой борьбы, как ни хотели того руководители украинского движения,—и сама Республика должна была повести борьбу, а также быть свидетелем рождения классовой борьбы в своих собственных не-

рех, ибо до сих пор эта борьба задерживалась общими национальными вопросами.

С одной стороны, Центральная Рада старалась стянуть на Украину рассеянные войска; с другой, избавиться от казацкого войска, которое в большом количестве находилось на Украине еще с времен господствования Корнилова и было враждебно настроено к вопросу о переустройстве России на федеративных началах: а также отправить из Украины все неукраинское войско, которое было настроено революционно и отстаивало лозунг: „Вся власть Советам"!

Прежде чем рассматривать дальнейший ход событий, остановимся на вопросе, почему украинские массы не соглашались с лозунгом: „Вся власть Советам" и выставляли лозунг: „Вся власть Центральной Раде"!

Ответ на эти вопросы мы найдем в „Робітничей Газете" органе у с.-д., правительственном украинском официозе.

Приведем прежде всего резолюцию об обсуждении Петроградского восстания, которая послужила причиной выхода большевиков из Центральной Рады. „Признавая, что власть в стране, как и в каждом отдельном крае, должна перейти в руки всей революционной демократии, считая недопустимым переход власти исключительно в руки Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, которые являются только частью организованной революционной демократии, Украинская Центральная Рада поэтому высказывается против восстания в Петрограде".

Здесь, мы имеем попытку враждебное отношение к лозунгу: „Вся власть Советам“,—оправдать, исходя из меньшевистских взглядов об едином революционном фронте Российской демократии, взглядов, которые в общероссийском масштабе в течении 8-ми месяцев революции уже успели дать скандальные последствия и выказали свою полную неспособность разрешить великие вопросы революции. Это хорошо понимали и господа из Центральной Рады, и потому они соглашались с переходом власти в руки Советов, но лишь в Великороссии. Что же касается Украины, то здесь не могло быть и речи о переходе власти в руки Советов, ибо в Советах представлена лишь российская демократия, которая составляет в Украине меньшинство и становится враждебно по отношению к национальным требованиям Украины. Правда, в теперешних Советах взяли верх большевики, которые каждый раз протестовали против стеснений и преград украинскому движению и даже выходя из Центральной Рады после Петроградского восстания, большевики заявили: „Когда вы будете гибнуть под ударом русского империализма, мы будем с вами с оружьем в руках“

И „Робітнича Газета“ писала (№ 176); украинский народ „не забудет той услуги, которую сделали большевики, вставши рядом с ним с оружьем в руках против российского империализма, а одновременно—субъективно и об'ективно—в оборону прав украинской демократии“.

Казалось бы Украине нечего бояться пер

хода власти в руки Советов, ибо этот переход не угрожал ее национальным стремлениям. Но не успели засохнуть чернила, которыми написаны были вышеприведенные строки, как „Рабітнича Газета“ писала более подробно и ближе к делу о „Наших и их задачах“ (№ 177):... „И тогда, когда мы шли казалось одним фронтом против общих врагов, мы никогда не сбивались, мы стояли за *Украинскую Демократическую Республику и федерацию* (Союз) (курсив газеты В. С.) с иными краями России. Они были полностью против этого нашего стремления. Мы, как выразители интересов украинского пролетариата, первые в истории украинского революционного движения встали на революционную борьбу за национальное вызволение и национальное развитие всего украинского народа. Они до сих пор, если не открыто враждебны, то *совсем безразличны* (курсив мой В. С.) к жизненным, национально-культурным и политическим нуждам нашего народа и нашего пролетариата.

„Наши различия были всегда велики.

„Но теперь эти политические различия выступили ясно. Они становятся в порядок дня политической борьбы на Украине.

„И мы должны размежеваться.

„Украинская социал-демократия не может стать на позиции большевиков в деле организации государственной власти на Украине.

„Мы, весь наш народ, в революции создали Центральный Орган всей действительно революционной трудовой демократии Украины, Украин-

скую Центральную Раду. Мы своими силами, силами нашего крестьянства, рабочих и войска создали ей неслыханную силу и мощь. Мы создали из нее центр нашего не только национального, но социально-политического бытия, связали с нею все надежды и упования трудящегося люда Украины. Мы защитили ее от самых тяжелых ударов, которые хотели контр-революционная и империалистическая буржуазия великороссийская нанести Центральной Раде.

„Но в самые тяжелые часы организации демократии с нами не было большевиков: они были в лагере враждебном. В часы небольшого похода контр-революции против нас, большевики на Украине не стали решительно на оборону, поддержку и усиление Центральной Рады. Они молчали и тем самым они были во вражеском лагере. Ибо они централисты, ибо они против Украинской демократической республики, ибо они против Федерации. Мы хорошо знаем все недостатки организации Центральной Рады. Но мы решительно должны сказать, что Рада организована рабочими, крестьянами и войском на своих с'ездах, что Рада составлена почти вся из представителей этих классов.

Мы знаем все недостатки нашего Генерального Секретариата. Он не удовлетворял нуждам и надеждам нашей трудовой демократии. Крепкие пута Временного Правительства и враждебность с Российской демократией тормозили всю работу Генерального Секретариата.

„Но теперь, когда все пута упали, когда ру-

ки развязаны, когда враги пересилены и пересилены силами самой Украинской демократии которая в Киеве защитила большевиков от окончательно кровавого разгрома, теперь мы становимся на путь творческой революционно-державной работы.

„И в этот момент неожиданно большевики провозглашают борьбу против Центральной Рады, показывая тем свои действительные мысли, которые они до сих пор прятали, свое действительное отношение к делу национального возрождения нашего народа.

„Против Рады и Секретариата они ставят власть Советов Рабочих и Солдатских Депутатов".

Мы умышленно привели эту длинную выписку, чтобы выяснить, из-за чего возникло различие в настроении Украинских наиболее демократических и революционных масс. Справедливо в этом было то, что большевики не принимали никакого участия в Украинском национальном движении и стояли на централистической точке зрения касательно государственного строя Росси. Но они не ставили никаких преград его развитию и отстаивали право самому украинскому народу разрешать свои собственные дела.

Как-бы там ни было, а Украина еще не жила своей собственной государственной жизнью, видела до сих пор лишь враждебное отношение со стороны всех российских политических партий, которые стояли у власти. И вот в тот час, когда большевики сами добиваются перехода власти в руки Советов, то есть, в их руки. Не важно,

что Совет Народных Комиссаров издал Декрет о праве каждой нации в России на самоопределение, т.-е. на отделение. Написать все можно! И начатую борьбу между Центральной Радой и Советами Украинскими широкие круги украинского населения понимали, как покушение на Украинскую Республику, а не как борьбу с Украинской и прикрывающейся за Центральной Радой российской контр революцией.

Рост шовинистических настроений достиг высшего напряжения. „Работніча Газета" была наименее шовинистической из украинских газет, орган украинских с.-д. партий, наименее шовинистической из украинских партий, писала в декабре, что переход власти в руки Советов означает переход власти в руки „Москалів, ляхів та жидів", сравнившись, таким образом, с шовинистами черносотенного самостийництва, которые издали еще в начале революции „катехизне Украинца", где писали: „Все люди твои братья, только москали, ляхи, венгри, румыны и жиды—это враги нашего народа, пока они господствуют над нами и подавляют нас".

Вот это раз'яренное национальное чувство очень осложняло политическое положение на Украине и делало борьбу Украинских Советов очень трудной и сложной.

Провозглашение Украинской Республики было встречено по всей Украине грандиозными манифестациями. Значительная часть Советов тоже приветствовала их. Но враждебное отношение Рады к Советам, трактование их, как организаци

„революционного контроля", как они считались и при Временном Коалиционном, в то время, когда в других частях России они стали властью, да по существу и не могли быть ничем иным, должно было раньше или позже вызвать борьбу за власть меж ними и Центральной Радой, подобно тому, как они боролись первые 8 месяцев революции с Временным Правительством. Но для Украины история не дала времени, чтобы „мирно",—как это было с коалиционном правительством помешиков и капиталистов, „кадетов", и „социалистов", меньшевиков и эсеров,—украинские массы рабочих и крестьян на своем собственном опыте убедились в том, что Центральная Рада ничем не отличается от скандальной Российской коалиции.

Революция в октябре, когда власть должна была перейти в руки рабочих и крестьян, не могла быть такой „мирной", как революция в феврале, ибо тогда, хотя царя и сбросили, власть оставалась в руках тех же капиталистов и помещиков. Новую власть родила острая борьба рабочих и крестьян за свое освобождение с помещиками и капиталистами, которые ни за что не хотели уступить власти и уже давно готовились придушить рабочих и крестьян, даже пробовали это сделать 20—21 апреля, 3—5 июля, 28 августа, да только не добились этого, хоть пуль для рабочих и крестьян не жалели. Когда попытка Керенского взять Петроград окончилась неудачей (он успел дойти только до Гатчины, откуда должен был бежать, а начальник его войск, генерал Краснов, который сейчас орудует с немцами на

Дону, был взят в плен и был отпущен на „честное слово", не воевать против Советов), контр-революционные генералы, помещики и капиталисты пробовали сделать опорный пункт в Ставке, а когда и Ставка была взята, их центром становится Дон, где орудовал Каледин. Каледин расстреливал Советы на Дону, в Ростове и по рудникам, и пытался твердо укрепиться на Дону, чтобы потом вести борьбу с Рабоче-Крестьянским Правительством в России. Центральная Рада пропускала вооруженное казацкое войско, которое находилось на Украине, а также с фронта, хотя она была знакома с его настроением, целиком враждебным к переустройству России на федеративных началах. Эти казацкие эшелоны были прямой помощью Каледину. В то же время Центральная Рада отказалась пропустить эшелоны революционных войск, которые шли вслед отступающей контр-революции, по тем мотивам, что Центральная Рада не принимает участия в гражданской войне. Мало того, уже в конце ноября она начала обезоруживать неукраинское войско, которое находилось на Украине, и высылать его за пределы Украины. Таким образом, фактически Центральная Рада была не нейтральной страной, а стала на сторону Каледина, на сторону контр-революции.

Кроме этой военной помощи, Центральная Рада стояла на стороне Каледина и с точки зрения политической. Новое Правительство, которое образовалось в Петрограде после октябрьской революции, Советское, Совет Народных Комиссаров, она признала лишь как Правительство Ве

ликороссии. В то же время Украина, по ее мнению, оставалось в Федеративном Союзе с теми Республиками, которые образовались на месте бывшей Российской Империи, и должно было составиться Центральное Правительство новой Российской Федеративной Республики соглашением этих отдельных вновь основанных республик; Великороссии, Украины, Донской Республики, Сибири и Кавказа и т. д. Это так называемое „Федеративное Социалистическое Правительство", так и умерло, не успев родиться, ибо от него несло духом старой коалиции, которая только что была похоронена по первому разряду, после постыдного существования в продолжении 8 месяцев революции, а также от того, что эта теория „Федеративного Социалистического Правительства" была совершенно искусственной, надуманной, ибо надеяться на то, чтобы можно было посадить в министерские кресла рядом с Лениным Каледина, а к ним прибавить, Винниченко, Чернова, Церетелли и Пешехонова, для этого нужны были игривые способности и большая склонность к фарсу, юмору. Знаменитый „хохлацкий" юмор превзошел самого себя. Правда, нового в нем почти ничего не было, кроме слова „Федеративный", ибо сторонники достохвальной коалиции тоже отстаивали „Единство Социалистического Фронта" и „Социалистическое Правительство от народных социалистов до с.-д. большевиков". Но если мы отбросим от этого требования шутки и юмористику, то в нем останется зерно реального содержания, по тому времени,

целиком контр-революционного, а именно: признание правомочности господствования Каледина, Корнилова, Дутова и других. На первом Киевском с'езде Советов Украины, о котором будем говорить дальше, Председатель Генерального Секретариата В. Винниченко прямо так и заявил,— что же, мол делать, когда Дон определился на Каледине! И это было сказано как раз тогда, когда против Каледина поднималось демократическое казачество, и когда, как на грех, товарищ Винниченко по Секретариату из Донской Области, сейчас же после Винниченко заявил, что на Дону живет и работает население преимущественно украинское, которое ждет наискорейшего присоединения к Украине.

Вот это признание правомочности Каледина было не меньшей услугой контр-революции, чем пропуск через Украину всоруженного казацкого войска и запрещение проѣзда, и даже обезоруживание революціонного большевистского войска.

Как ни хотели руководители Центральной Рады стать в стороне, нейтрально в гражданской войне в борьбе революции и контр революции во всероссийском масштабе, придерживаясь политики: моя хата с краю—ничего не знаю!—это сделать нельзя было, ибо хата очутилась как ра в середине бурного моря гражданской войны Нужно было стать либо на одну, либо на другу сторону. И Центральная Рада стала .. на сторон контр революции, может быть и против воли е руководителей.

У себя в Украине она принялась упразднят

Советы, передавая власть на местах в руки городских дум и земств, и обезоруживать войско, стоящее за Советы.

Советы на Украине приняли горячее участие в борьбе с контр-революціей и проводили ее с напряженной настойчивостью. Сначала они надеялись, что Центральная Рада, которая все же создавалась в это время из Всеукраинских Рад крестьянских, войсковых и рабочих депутатов, и которая имела перед глазами 8 месячную работу коалиции, чтобы по заслугам оценить Калединых и т. д.,—что, говорю, Центральная Рада постарается опереться на Советы. Но уже на завтра стало ясно, что эта надежда была излишней и безпочвенной. И Советы должны были повести борьбу с Центральной Радой, борьбу более трудную и более сложную, нежели с Калединым и Керенским, так как Рада еще не успела проявить себя перед широкими массами рабочих и крестьян.

Раз'единенная, расбросанная борьба отдельных Советов не могла быть достаточно успешной. Нужно было противопоставить Центральной Раде Центральный Орган Украинских Советов. А такого органа Украинские Советы не имели. Советы на Украине мало уделяли времени национальному движению. Они были охвачены борьбой с коалиционным Правительством в Петрограде, и не дооценивали тех организационных процессов, которые совершались на их собственных глазах, стояли, так сказать, лицом к Петрограду, и спиной к Киеву. Провозглашением автономии в июне

первым Универсалом, Центральная Рада заставила считаться Временное Коалиционное Правительство и меньшевистско-эсеровские Советы с „фактом“ создания автономно-политического центра,— и Киевский Совет как раз накануне оглашения Первого Универсала 24-го 27-го апреля созвал было „областной“ с'езд Советов пяти губерний бывш. Киевского Генерал-губернаторства: Киевской, Волынской, Подольской, Полтавской и Черниговской губерний. Но этот с'езд, как мы уже упоминали, окончился собственно ничем, частью потому, что он был сорван украинскими шовинистами из Селоспилки, а главным образом потому, что у Советов этих пяти губерний не было никаких особенных, лишь их об'единяющих, лишь для них общих задач. Избранный на нем временный областной Комитет, который должен был позаботиться о созыве нового с'езда в самое ближайшее время, этой задачи не выполнил и существовал лишь на бумаге.

Провозглашение новой Украинской Республики именно в октябре, во время Рабоче-Крестьянской Революции, об'ективным ходом событий была причиной создания нового центра контр-революции и Советы вновь были постановлены перед „фактом“, который они проглядели и для которого они не выработали единой линии поведения. Пришлось это делать во время острой борьбы. Как раз во время 1 го Всеукраинскго с'езда в Киеве, был получен Центральной Радой от Совета Народных Комиссаров ультиматум: или пропустить на Дон эшелоны с фронта революционных войск

или война между Советов Народных Комиссаров и Центральной Радой.

Центральная Рада отказалась пропустить, и самый ультиматум сочла, как об'явление войны Украине со стороны Великороссии.

За 4 дня до этого ультиматума Центральная Рада обезоружила Киевское неукраинское войско, стоявшее за Советом. Вот в это время полного и открытого разрыва и собрался первый Всеукраинский С'езд Советов.

VI.

Организация Центрального Исполнительного Комитета Всеукраинских Советов. Провозглашение самостоятельности Украйны.

Как ни противилась Центральная Рада созыву с'езда Советов, запретить его не решилась да и не могла, ибо власть в больших городах принадлежала Советам, а не думам и земствам, а менее всего национальным украинским Радам.

Первый Всеукраинский С'езд Советов собрался в Киеве 1-го декабря. Организационный Комитет по созыву с'езда выработал и разослал нормы представительства от Советов Рабочих и Солдатских Депутатов и от Рад Крестьянских Депутатов. Но эти нормы считались руководителями Селоспилки и Всеукраинской Рады Войсковых Депутатов, несправедливыми, принимая во внимание превышающее большинство украинского крестьянства, и они разослали телеграммы по всей Украине, так что их представители превышали количе-

ство представителей от Советов в несколько раз. Вместо нескольких сот делегатов на с'езд прибыло $2^1/_2$ тыс., проверить мандаты всех прибывших не было никакой возможности, тем более, что некоторые украинские делегаты вели себя очень воинственно. Напрасна была проверка. Пустили всех, кто только пришел.

На первом заседании чуть не случилось побоище из-за того, кому открыть совещание. Когда около стола появился представитель организационного Комитета, представитель Селосшилки локтем оттолкнул его, выхватил из рук звонок, и оба одновременно, силясь перекричать один другого, об'явили заседание открытым. На представителя Организационного Комитета полезли с кулаками и наверно дошло-бы до побоища, если-бы кто-то не начал петь „Заповіт" Т. Шевченко.

После речей об истории созыва С'езда, в которых одни обвиняли других, решено было пока —что С'езда не открывать, а собрание считать совещанием. Ночью Генеральный Секретариат получил ультиматум Совета Народных Комиссаров, о котором мы упоминали выше.

На другой день вновь собрались участники С'езда. Большевики решительно отказались признать это собрание С'ездом и заявили, что останутся на собрании при обсуждении ультиматума лишь при том условии, что собрание будет считать себя совещанием. Но посреди обсуждения ультиматума собрание провозгласило себя С,ездом, и большевики покинули его.

На другой день С'езд покинули российские

левые с.-р., а за ними и часть украинских эс-еров и отдельные лица из украинских с.-д. Всего С'езд покинули около 150 человек, часть небольшая, в сравнении с численностью С'езда, но достаточно влиятельная тем, что представляли они сильные организации—Советы. После нескольких совещаний эта часть решила опротестовать С'езд через прессу и признать себя за С'езд. 5-го декабря разнеслись слухи, что Рада собирается арестовать большевиков, и эта группа решила перенести свое место в другой город, именно в Харьков, где как раз собрался С'езд Донецкого и Криворожского Бассейна, наиболее развитой промышленной ч сти Украины.

Таким образом С'езд разбился на две части: одна заседала в Киеве, а другая в Харькове.

На Киевском С'езде представителя большевиков в первый раз встретили с большим шумом, в другой раз уже слушали внимательнее, по крайней мере заметна была часть, внимательно прислушивавшаяся к большевикам. С'езд тянулся еще несколько дней, прошел и закрылся с очень враждебным и обостренным национальным чувством. Он издал воззвание к украинскому народу, в котором рассказал про все несправедливости со стороны „Великороссийского Правительства Совета Народных Комиссаров". С езд высказал полное доверие „своему социалистическому правительству Центральной Раде и Генеральному Секретариату".

Перевыборы Центральной Рады С,езд признал несвоевременными и ненужными. Таким

образом, С'езд стал грандиозной манифестацией за Центральную Раду. И если бы этому единодушию и этой сплоченности на С'езде отвечали такое же единодушие и сплоченность среди украинских масс, — дело Советов на Украине можно было бы считать покончeнным. Но в действительности дело было не так.

Украинские демократические массы не могли просто отказаться от Советов. Отстаивая лозунг: „Вся власть Центральной Раде"!—они в то же время признавали и Советы, лишь с тем условием, чтобы они поддерживали Украинскую Республику.

Действительная причина расхождения для них еще была недостаточно ясна и очевидна.

Вскоре собралась 8-я Сессия Центральной Рады. Снова пылкие речи и манифестации по поводу провозглашения Республики, признания ее представителями союзников, доклада о мирных переговорах в Бресте, Центральная Рада высказывает доверие Генеральному Секретариату во всех его действиях по укреплению Украинской Республики и решает послать особую, независимую от Российской, делегацию на мирные переговоры в Брест Литовск.

Но единодушие и сплоченность было нарушено аграрным законопроектом.

По проекту земельная собственность на землю до 40 д. оставалась неприкосновенной. Только имения больше 40 десятин переходили в руки Земельных Крестьянских Комитетов.

Законопроект не нравился делегатам-кресть-

янам, и они его встретили очень резкой критикой.

Крестьянин Манько: „Приехать домой с таким законом, значит колом получить"...

Рабочий Кращенко: „Крестьяне, как рая светлого, ждут земли. А вы оставляете в отдельных хозяйствах по 40 десятин. Это те же помещики"...

Крест. Панько: „Если мы скажем, что законопроект оставляет в одних руках 40 десятин, то народ не признает ни Рады, никого"...

Крест. Пригода: „Если-бы крестьяне знали, какие вы издадите земельные законы, то они-бы вас не выбирали в Центральную Раду, а сами-бы составили земельный закон"...

Крест. Боб: „Мне сказали в деревне: „Иди, Боб, в Центральную Раду и ищи там хорошего доктора. Пусть его фамилия начинается только на букву „Р"... Это означает просто революционер. Потому что на шее у крестьянина большая болячка, она давит его к земле.. И крестьянин все смотрит в землю.. Пусть доктор на букву „Р" разрежет эту болячку, выдавит гной и присыпет.. социализацией".

Крест. Хвыленко: „Вот это так революция! Оставляет по 40 десятин в одних руках!.. Если такой закон пройдет (к Раде), то вы не деятели из народа! Говорят, что земли не хватит для всех... А если будете оставлять по 40 десятин, то что же—земли прибавится? Мы до социализма доросли. Может быть, те не доросли, кто это про нас говорит. Из за ваших 40 десят. и может разгореться анархия".

Крест. Гуленко: „Не годится этот законопроект. И если его примут, то не будет житья и нам, и тем, кто писал его.. 40 десятин! Да, когда вернутся с фронта наши воины, то они штыками своими перемеряют 40 десятин“!.

Крестьянин Сторубель: „Народ поддерживал и поддерживает Раду. Но если мы утвердим закон с частной собственностью до 40 десятин, то все откажутся поддерживать Раду... Не давайте же козыря для поддержки анархии“...

По поводу этого законопроекта чуть не наступил кризис Генеральнаго Секретариата.

У. с.-д, которые составляли преимущественно Секретариат, внесли резолюцию: „Признавая необходимым издать немедленно временный закон о переходе всех земель, через земельные комитеты, в руки трудового народа; признавая одновременно с этим, что главный закон о земельных делах, согласно с Универсалом должен быть издан Украинским Учредительным Собранием,— фракция предлагает: взять заслушанный временный закон за основание и передать его в Комиссию для немедленной переработки и внесения в Центральную Раду“.

И заявили, что „если резолюция у. с.-р. будет принята, то фракция с.-д. отзовет своих представителей из Генерального Секретариата, ибо в резолюции с-р. указывается, что законопроект Генерального Секретариата противоречит интересам трудового крестьянства“...

Принимая во внимание чрезвычайность событий и того положения, в котором находится

Украина, вопрос разрешился соглашением, и Генеральный Секретариат остался. Но впечатления от этого законопроекта они не стерли, и с этого времени начинается отход более революционных украинских масс от Ц. Р., отход, который выразился расширением анархии и безразличием к борьбе между Центральной Радой и Советами.

Другая часть Киевскаго С'езда соединилась 7—13 с Областным С'ездом Советов Донецкого и Криворожского Бассейнов и провозгласила себя правомочным предстaвителем украинских Советов Рабочих, Солдатских и частью Крестьянских Депутатов. С'езд вынес две резолюции, которые имели большое значение. Первой резолюцией С'езд об'явил переход власти в Украине в руки Советов на местах, а к Центральному Исполнительному Комитету Всеукраинских Рад (Советов) Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, который был избран здесь на этом С'езде, в центре. Другой резолюцией признавалась необходимость автономии для Денецкого и Криворожского Бассейнов.

Центральный Исполнительный Комитет 20 декабря создал Народный Секретариат. С этого времени борьба с Центральной Радой происходила от имени Советского Правительства Украины—Народнаго Секретариата.

Затруднительно было положение нового Правительства. Собственных вооруженных сил оно не имело. Стоявший в то время в Харькове Штаб Наркома по борьбе с контр революцией Антонова, был единственной опорой Народного

Секретариата. Все это время не приостанавливалась борьба между войсками Центральной Рады и большевистскими войсками около Гомеля, Бахмача, на Юго-Западном фронте, в Одессе, Харькове, в Киевской и Екатеринославской губерниях. Но Центр Украины все еще оставался более или менее нетронутым.

Несмотря на ультиматум Центральной Раде, посылать войска прямо и непосредственно против Киева, Совет Народных Комиссаров не решился, чтобы не разъединить силы против главного врага—Каледина. Но вот около 20-го декабря в Полтаву пришел 1-й гайдамацкий полк имени Богдана Хмельницкого. Полтавский Совет встретил его с красными знаменами. Но богдановцы стали хозяйничать по своему и демонстративно высказали свою враждебность к Совету. В клубе один из полтавских анархистов, оскорбленный издевательствами собравшихся офицеров над революционерами, убил командира находившихся в Полтаве богдановцев. Этот анархист не имел никакого отношения к Полтавскому Совету, никакого участия в его работе не принимал. Но враждебное настроение офицерства и юнкерства (Виленского Военного училища), приняло этот акт как дело рук Совета и той-же ночью погромило Совет. Исполнительный Комитет был арестован. Кроме того, Полтава стала угрожать правому флангу противо-Калединского фронта. После этого под командой известного Муравьева на Полтаву послан был отряд, и 5—6 января Полтава была взята. После пьяного господствования гай-

дамаков на Рождество, приход большевиков внес на некоторое время успокоение,

Из Полтавы Муравьев пошел на Киев.

В начале января вся Харьковская, Екатеринославская, часть Полтавской, Черниговской, Таврической и Херсонской находилась в руках большевиков. В руках Центральной Рады оставалась полностью лишь Киевская и Волынская губернии с побочными частями смежных губерний.

Под влиянием этих событий крепли и расширялись среди украинских масс два течения, которые выплыли наружу во время заседаний Ц. Рады в середине декабря (8 сессия): с одной стороны,—настроение самостийницкое, с другой стороны— отход от Центральной Рады.

Отход масс от Центральной Рады выразился не в активной борьбе, не в переходе их на сторону Центрального Исполнительного Комитета Советов (были и такие, но они составляли лишь сравнительно незначительное меньшинство), а в распространении безразличия к Центральной Раде. Большинство становилось в сторону, усталое, и смотрело, чем окончится все это.

Вот как писал один из министров Центральной Рады об этом процессе 25 апреля, когда Центральная Рада вернулась на Украину при помощи немецких штыков, накануне германского переворота:

„Еще в декабре еще на созванном Киевскими большевиками в Киеве С'езде Советов с большим под'емом он (народ) слушал речи своих министров. Тогда еще чувствовало под собою Пра-

вительство твердую и, казалось, непоколебимую почву всенароднаго энтузиазма.

„И вот неожиданно, быстро, катострофически начало все меняться. Народ, который клялся умереть за свое правительство,—перестал верить ему.

„Он, этот темный народ, не мог понять, что правительство обессилено той страшной тяжестью, которая могла бы повалить и уже испробованную, организованную власть. Народ ожидал чуда, но чудо не пришло И он начал прислушиваться к голосу с севера... Этот голос звучал все ближе и ближе, как зараза распространялась большевистская идея, и народ, который не дождался чуда от своего правительства, стал ждать его с севера, от большевиков *).

Это взгляд человека, который уже пережил с того времени еще много событий, успел убедиться в том, что возвратить к себе доверие масс при помощи немецкого войска—напрасны надежды.

А вот взгляд еще более авторитетной личности, которая писала под непосредственным влиянием этого перелома в настроении укранских масс,—главы этого правительства, В. Винниченко 4 го января, значит в момент похода Муравьева на Полтаву, он писал (Робітнича Газета № 220): „А что же наши землячки"?—спрашивает он, нарисовав картину, как вслед большевикам при-

*) О. Шульгин. Політика (державне будівництво України і міжнародні справи Статти, документи, промови). Київ. 1918 р., стор. 14.

дут кадеты, „и возьмут они тогда изнасилованную, загрязненную, обнищенную красацицу „крамольницу“ Украину, возьмут ее за прекрасные косы и потянут туда, где и была она 250 лет, „в тюрьму народов“, в „брюхатую, единую, неделимую Русь“.—„А что же наше войско, которое так страстно, так горячо любит „бедную неньку Украину“? Почему оно не кричит болью муки, оскорбления, глубокой скорби за честь и счастье своей матери? Где оно, это славное войско Украины, сыны заплеванной, изнасилованнной истинно русскими молодцами, Неньки?

„Ах! сынки пьяненькие грызут семечки в казармах, продают на базарах папиросы и ходят под ручку с истинно-русскими большевиками!. Чего хотят наши бедные, несчастные, одуренные большевистским криком хохлики? Почему они не спросят у своего народа, у своей матери Украины, что то за Рада? Чего она хочет, чем болеет, к чему стремится всей душой? Пусть пойдут, пусть грозно, пусть с болью крикнут ей: ну-ка, давай сюда панов буржуев и генералов, которые заседают у себя!.

„Да придут ли те сынки? Спросят ли? Какое им дело до Украины, до родного края, до участи своего окраденного, мужицкого, изнасилованного всякими панами народа? Они имеют полные карманы семечек, они похаживат по базарам, слушают истинно-русских молодцов и вместе с ними ругают в „батька и в матір“ и свой народ и своих братьев работников в Центральной Раде и

раздавленную, ограбленную, изнасилованную пьяными большевиками матушку Украину.

„Честь вам, сынки базарники"!

В этих словах выразился ужас человека, который неожиданно очутился одиноким, покинутым теми массами, на которые он до сих пор опирался.

Что же удивительного, если руководители Центральной Рады стали искать помощи на стороне.

„Какой у нас может быть вывод?—говорил тот же В. Винниченко. „Возможно заключение сепаратного мира и призыв немцев на помощь" **).

Одновременно с отходом части масс из Центральной Рады, усиливалось, расширивалось и крепло самостийницкое настроение, чтобы выйти из этого чрезвычайно грозного, двусмысленного положения, в котором находилась Украинская Народная Республика с первого дня своего рождения, когда, она с одной стороны провозгласила себя частью Федеративной

**) „Робітнича Газета" № 221. Эти слова Винниченко, сказанные им в частном разговоре, передал на заседании Малой Рады 3 го января т. Неронович, который потом перешел на сторону Центрального Исполнительного Комитета, был избран Народным Секретарем Военных Дел и в начале апреля, недалеко от Полтавы, в м. Шишаках, был пойман гайдамаками и расстрелян. В. Винниченко—гласит дальше отчет об этом заседании—„опроверг его (Нероновича) заявлиние и говорит, что он действительно сказал, что если нас заставят те народные самодержцы, то возможно, что среди нас возникнут подобные мысли. Но я говорю это не от себя, ибо своей мысли я не высказывал (громкие аплодисменты). Правду говорил Церетелли, что с большевиками надо разговаривать при нотариусах (аплодисменты, которые переходят в овацию). Но это опровержение и без нотариуса доказывает, что прав был Неронович.

России, с другой—не признавала Совета Народных Комиссаров, как правительство, вела с ним борьбу, как с правительством Великороссии, и даже выступала рядом с ним на международной арене, в Бресте на мирных переговорах, о которых мы будем говорить ниже. Мысль о провозглашении Украины самостоятельной нарождалась сама собой, витала в воздухе, приобретала убедительность непреодолимого факта. Но на этот раз Центральная Рада запоздала с „фактом", чтобы с ним считались. Борьба уж подходила к концу и не в пользу Центральной Рады.

Довольно интересно было бы проследить рост и расширение этого настроения, но за недостатком соответственных документов (ибо во время борьбы газеты иногда совсем не получались из других мест, в том числе и из Киева) этого сделать нельзя. Потому сообщим лишь выписку из резолюции, вынесенной на об'единенном заседании Киевской гарнизонной Рады Солдатских Депутатов и полковых Комитетов гарнизона. На заседании был Председатель Генерального Секретариата В. Винниченко, Генеральный Секретарь труда и военных дел Порш. „В конце самостийники провели свою резолюцию",—говорит „Робітнича Газета" № 221, очевидно, против резолюции Генеральных Секретарей, которые еще не в состоянии были открыто высказать взгляды по вопросу о самостоятельности. В этой резолюции, между прочим, говорится:

...„В настоящий момент Украинская Народная Республика процессом революции поставлена

перед фактом самостоятельного государственного существования, которое мы поддерживаем в интересах трудового народа Украины. Чтобы обезпечить развитие классовой борьбы и добиться международной гарантии существования Народной Республики, необходимо немедленно закрепить факт самостоятетьного государственного существования законодательным „актом", и в мирных переговорах Украина должна выступать, как самостоятельное государство".

„Желая в этот грозный и ответственный момент, который сосдался в связи с ликвидацией войны внешней и все большим расширением внутренней, и принимая во внимание действительную волю нашего трудового народа (рабочих, солдат и крестьян Украины), в деле закрепления международного положения Украинской Республики, устранения внутренних непорядков и укрепления единой власти Республики, считаем необходимым созыв С'езда рабочих, солдат и крестьян всей Украины", кончает резолюция.

Но созвать с'езд было уже поздно. Болъшевитские войска все теснее окружали Киев и в самом Киеве началось восстание среди рабочих, к которым стали присоединяться отдельные украинские части, при безразличном отношении прочих.

Когда Муравьев двинулся из Полтавы на Киев (7—20 января), и навстречу ему должен был двинуться с войском Петлюра, стало ясно, что не только собрать с'езд, а даже созвать полностью Раду было невозможно.

И поэтому Малая Рада, Исполнительный Ко-

митет полной Рады издала 11—24 января 4-й Универсаль, которым провозглашалась Украина самостоятельной. В нем говорилось: „Для того, чтобы довести до конца дело мира, привести страну в порядок, сберечь имущество граждан, мы, Украинская Центральная Рада, оповещаем: *отныне Украинская Народная Республика становится самостоятельной, ни от кого независящей, вольной, суверенной державой украинского народа.* Со всеми соседними государствами: как то: Россия, Польша, Австрия, Румыния, Турция, она будет жить в мире и согласии, но ни одна из них не может вмешиться в жизнь самостоятельной Украинской Республики. Власть в ней будет принадлежать лишь украинскому народу, именем которого, пока соберется Украинское Учредительное Собрание, будет править Украинская Центральная Рада, как правительство рабочих, крестьян и солдат, и ее исполнительный орган, который отныне будет носить название „Рада Народных Министров".

Провозглашение самостоятельности вызвало овацию и громкие апплодисменты с пением: „Ще не вмерла Украина".

Это был последний акт Центральной Рады, который приветствовали все политические партии.

В самой Центральной Раде, как и среди киевского гарнизона Украинского, начался развал.

Украинские эс-эры, партия наиболее многочисленная в Центральной Раде, была недовольна политикой Генерального Секретариата, созданного, главным образом, из у. с.-д.

Украинские эс-эры требовали беспощадной борьбы с большевистским движением в Киеве и среди украинских масс.

В. Винниченко и его кабинет сложил с себя полномочия. Этим моментом хотели воспользоваться часть российских левых с. р. с частью украинских левых с. р., чтобы захватить власть в свои руки. Левые с.-р. не хотели принимать участия в Центральном Исполнительном Комитете, исключая отдельных лиц. Эти герои „дворцовых переворотов" пробовали опереться на кое-какие украинские полки, но вместо министерских кресел, попали в тюрьму. А генеральный Секретариат составился из правых у. с.-р.—кабинет Голубовича.

Не долго пришлось сидеть в Киеве и этому кабинету. Через неделю он с Центральной Радой должен был удирать в Житомир, откуда он вернулся в Киев только через месяц, уже с помощью немецких штыков.

VII.

Брест-Литовск. Призыв немцев.

Одновременно с этой внутренней борьбой происходила борьба на международной арене—на мирных переговорах в Бресте.

Еще в начале революции 1917 года различные С'езды войсковые, крестьянские, рабочие, партийные, профессиональные, культурно-просветительные и другие, выставляя лозунг националь-

но-территориальной автономии, добивались также, чтобы на имеющую быть мирную конференцию были допущены представители Украины Это требование выставлялось каждый раз и делегациями к Временному Правительству от С'ездов и от Центральной Рады.

Как и на все другие требования, она не получала прямого ответа. Правда, неотложной необходимости в этом. тогда не было (кроме принципиального значения), ибо вопрос о мире отодвигался и нельзя было ожидать скорого созыва мирной конференции. Рабоче крестьянская революция в октябре выдвинула этот вопрос на первую очередь немедленно приступила к практическим шагам к миру. Через два-три дня уже был опубликован декрет о мире, и по радио-телеграфу все воюющие и нейтральные государства были оповещены, что Советское правительство России предлагает немедленно приостановить бойню на фронте и сойтись представителям воюющих и нейтральных держав, сесть за стол и вместе разрешить вопросы войны и мира.

Союзные государства отказались, даже не отвечали. Они еще думали, что новая Советская Республика будет задавлена контр революцией И они сами приняли живое участие в этой борьбе, помогая генералу Духонину—в ставке, генералу Щербачову—в Бессарабии, генералу Какедину—на Дону, а потом и Центральной Раде на Украине.

Наоборот, Германия с своими союзными государствами: Австро-Венгрией, Болгарией и Тур-

цией ответила, что она принимает предложение Совнаркома и просит прислать делегацию в Брест-Литовск, чтобы приступить к переговорам об условиях приостановления войны на фронтах, о перемирии.

Немецкое правительство согласилось приступить к этим переговорам не потому, что оно действительно было склонно к тому „миру без анексий и контрибуций", на основе „самоопределение наций", который предлагала Советская Россия, а потому, что Германия надеялась использовать свои военные победы, прикрыть свои хищнические намерения этим демократическим лозунгом, одурачить свои рабочие и крестьянские массы, будто оно действительно только и заботится о мире, да только Англия и Франция заставляют продолжать войну. Большое значение придавалось и тому, что Германия будет избавлена от восточного фронта и с удвоенными силами нажмет на западе на Англию и Францию.

Одновременно с этими шагами к перемирию и миру Совнарком огласил все тайные документы министерства иностранных дел, довел до сведения всех держав, что все договоры царизма и Временного Правительства им уничтожаются, все займы аннулируются.

Кроме того, по всему фронту был разослан приказ командирам немедленно войти в соглашение каждому на своем участке по вопросу о перемирии,

Перемирие было фактически установлено, и когда с'ехались представители Германии и Рос-

сии в Бресте, им пришлось лишь дать ему санкцию (утверждение). Центральная рада, когда дошли до нее слухи о совещании в Бресте, поспешила тоже принять участие в вопросе о мире (чтобы „предотвратить вредные стороны перемирия большевиков, взять дело перемирия, хотя бы относительно Украины, в свои руки"—писала „Роб. Газ" № 187), и послала своих представителей, правда, лишь для „контроля и информации".

Перемирие стало фактом, и Центральная Рада должна была „считаться" с фактом.

В это время происходят довольно оживленные переговоры с „союзниками", главным образом с Францией. Союзники надеялись опереться на Центральную Раду, чтобы бороться с шагами Совнаркома к миру, и хотели, чтобы хотя Украина продолжала войну.

Но эти надежды были излишни, ибо Украина хотела не меньше России мира. И когда „союзники" убедились в этом, они отошли от Центральной Рады.

21 декабря (3 января) правительство французской республики назначило своего Комиссара при правительстве Украинской Республики, а также появился представитель Англии, который сообщил, что правительство Англии „будет поддерживать правительство украинское в его задачах, которое оно себе поставило, а именно,—*быть действительно правительством, поддерживать порядок и бороться с Центральными державами, врагами демократии и гуманности*" (курсив мой В. С.).

Эти отношения сразу прервались, когда Рада поставила свою делегацию, чтобы заключить мир с Центральными державами. С того времени „союзники" вновь стали твердо и непоколебимо на путь поддержки централистических стремлений Российской контр революции, для „создания единой и неделимой" монархической России.

Таким образом, Украинская Республика не дождалась от антанты („союзников") признания, чтобы стать суб'ектом международных прав.

Совсем иначе создались отношения с Центральными державами. Фактически Украина ничего не выигрывала. Центральная Рада не могла внести никаких изменений в условия мира, кроме ухудшения этих условий в той части, которая касалась Украины. Ибо отдельным выступлением, отдельною делегацией она лишь разбила тот самый „единый демократический фронт", о котором говорила ее декларация, перед действительно единым империалистическим фронтом Центральных держав.

11 декабря Генеральный Секретариат обратился с нотой ко всем воюющим и нейтральным государствам, которой доводил до их сведения о провозглашении Украинской Народной Республики 7 ноября. В этой ноте между прочим Генеральный Секретариат пишет:

„8) Власть Совета Народных Комиссаров не распространяется на всю Россию, в том числе не расширяется и на Украинскую Народную Республику, и потому мир, который может быть заключен в результате переговоров с воюющими

Россией государствами, может стать только тогда обязательным для Украины, если условия этого мира будут приняты и подписаны правительством Украинской Народной Республики.

„9) Мир от имени всей России может быть заключен только тем правительством (правительством притом Федеративным), которое будет признано всеми Республиками и государственно организованными частями России. А если такое правительство в ближайшем будущем не будет составлено—то только об'единенным правительством всех этих Республик и краев".

И вот потому, Генеральный Секретариат признает „необходимым иметь свое представительство на конференции в Брест-Литовске.

Немецкая делегация вначале не знала, как поступить с украинской делегацией.

В договоре о перемирии было указано, что вскоре должен быть заключен „мир без анексий и контрибуций, на основе самоопределения наций". Немецкая дипломатия надеялась, что Советское правительство согласится на все условия Центральных держав и признает их „справедливыми"— и без анексий, без контрибуций, на основе самоопределения,—все эти грабительские требования островов Моон-Зунда, Балтийского моря, Прибалтийского края, Литвы, Польши, части Белоруссии и т д. и т. п.

Но вскоре, когда после месячного перерыва сделанного для уведомления „союзных" держав о перемирии и для нового призыва их принять участие в мирных переговорах, начались перего-

воры только с немцами (ибо союзники вновь отказались сесть за стол для переговоров о мире), эти последние увидели, что с большевиками не так легко справиться, как того ожидали.

Российская делегация беспощадно раскрыла все хищнические требования анексий, контрибуций, клеймила и позорила политику Центральных держав. Это очень нервировало немецкую делегацию.

Ей казались странными возражения этих людей, просто одетых, которые до сих пор прятались где-то в подполье, а теперь говорят от имени страны, которая была разбита ими, немцами и теперь пылает в гражданской войне, без постоянной мощной армии, когда даже целые участки фронта стояли голыми, а кое-где даже сами солдаты распродавали оружье. лошадей, повозки и т. д.

Генерал Гофман не выдержал дипломатической игры, которую проводил Кюльман, и с возмущением об'явил. что его удивляет тот тон, которым говорит Российская делегация. Этот тон был бы ему понятен тогда, если-бы русские войска стояли на немецкой территории. Но сейчас, наоборот, мы несомненно стоим на российской земле. Кюльман должен был согласиться с Гофманом, который лишь говорил языком солдата. Российская делегация поблагодарила за это признание и добавила, что дело мира подвинулось-бы гораздо скорее, если бы немецкая делегация все время говорила так прямо и открыто. Российской делегации было за что поблагодарить

ибо в ответ на речь Гофмана, сначала в Австро-Венгрии, а потом в Германии, произошли забастовки против того, что генералы срывают мир.

Но это проявилось потом Сначала Германия и Австрия надеялись, что все будет по ихнему. Делегация от Центральной Рады усложняла дело, ибо она лишала права российскую делегацию говорить от имени всей России. Кроме того, Германии были известны сношения Центральной Рады с „союзниками" (антантой). И потому Германия очень осторожно обращалась с Украинской делегацией.

На запрос председателя немецкой мирной делегации, Кюльмана, как относится русское правительство к украинской делегации—Председатель русской делегации Троцкий ответил, что со стороны русской делегации не встречается никаких препятствий к участию украинской делегации в мирных переговорах.

Немецкая дипломатия тоже признала украинскую делегацию и добавила, что признание украинской Народной Республики найдет свое выражение в предстоящем мирном договоре, уклонившись таким образом от прямого ответа на запрос, признает-ли немецкая делегация Украинскую Республику.

Но скоро позиция немецкой делегации по отношению к украинской изменилась. Немецкая делегация увидела, что с дипломатами Центральной Рады скорее можно прийти к соглашению. Ибо хотя эти дипломаты и заявили, что они стоят по одну сторону фронта с Российской делегацией,

но на деле сразу очутились на одной стороне фронта с немецкой делегацией. Да иначе и быть не могло. Ибо та борьба, которая велась между Центральной Радой, с одной стороны, и Совнаркомом и Советами, с другой, не могла не влиять на поведение дипломатов Центральной Рады даже в том случае, если бы эти дипломаты были искренни, заявляя о единстве фронта с российской делегацией. На деле же и этого не было. Они как раз ехали в Брест для того, чтобы на международной арене дать отпор Советскому правительству.

Немцы извлекли большую пользу из этих жаланий делегации Центральной Рады и скоро у них начались отдельные заседания, протоколы этих заседаний остались тайными, в то время когда протоколы российской делегации немедленно оглашались в газетах.

О заседании немцев с делегацией Центральной Рады приходилось узнавать из официальных, неполных известий немецкой прессы. В этих известиях подчеркивалась лойяльность, уступчивость дипломатов Центральной Рады и неподатливость российской делегации.

И когда 5 (18) января 1918 г. был сделан перерыв для того, чтобы делегации могли возвратиться к своим правительствам с докладами о ходе переговоров и получить окончательные указания, между украинской делегацией и немцами было дело совсем налажено, оставалось только прийти к соглашению в деталях.

Это сближение и соглашение стали еще более тесными благодаря двум фактам.

В Бресте появилась делегация и от другой борющейся стороны на Украине—от Центрального Исполнительного Комитета. Эта делегация вошла в состав российской делегации, ссылаясь на то, что Украина не выделилась в самостоятельное государство, оставалась в границах России на федеративных основаниях и что Совет Народных Комиссаров есть правительство не только лишь одной Великороссии, но всей России.

Появление этой делегации возрождало и укрепляло нарушенный революционный фронт против империалистов Центральных держав.

Одновременно с этим, этот революционный фронт креп в России и Украине, ибо 6 го января Полтава перешла в руки Центрального Исполнительного Комитета, и войска двинулись на Киев. Провозглашение самостоятельности Украинской республики 4 м Универсалом изменить ничего не могло, и 27 го января (3-го февраля) 1918 г. Киев очутился в руках Советов.

Центральной Раде приходилось искать прямой помощи у немцев. А немцы должны были поспешить, чтобы не терять времени, не вернуться к своим народным массам с голыми руками. Ибо надеяться, что большевики так просто согласятся подписать немецкие условия мира,—уже нельзя было.

Вернуться ни с чем к своим массам, которые требовали мира и хлеба, немцы не могли—

и они ухватились обоими руками за делегацию Центральной Рады.

Во время забастовки в Австрии, министр Чернин, в Германии—Кюльман, в прессе и в Комиссиях парламентов разгласили, что дело с Украинской делегацией у них обстоит очень хорошо, в то время как с Российской слишком плохо. Но не важно, ибо Украина имеет много хлеба, который вскоре можно будет вывезти в Австрию и Германию, Петроград же не может дать ничего, кроме революционной заразы

И вот, когда в начале февраля н. ст. вновь начались заседания мирной делегации и делегация Центральной Рады вернулась с декларативным уведомлением о провозглашении самостоятельности Украинской Республики, немецкая делегация признала Украйну как самостоятельное государство, с которым она войдет в соглашение по вопросу о мире, независимо от российской делегации. Что касается представительства от Центрального Исполнительного Комитета Советов Украины, то немецкая делегация не протестуя цротив входа его в состав российской делегации фактом признания делегации Центральной Рады, как правомочного органа Украины, отказалась признать это представительство.

Через несколько дней, 9 февраля н. ст. был уже подписан мирный договор между делегациями Центральной Рады и немецкой. А на другой день, 10 го февраля было последнее заседание российской делегации с немецкой, на котором российская делегация отказалась подписать мир-

ные условия Германии, так как они опирались на насилье, и об'являлось окончание со стороны России военного положения с Центральными державами и демобилизация российской армии.

Таким образом, Брестские переговоры окончились одним мирным договором, и одним удивительным положением: ни мир, ни война,—ни мир не подписан, ни война не продолжается.

Но и мирный договор был подписан с правительством, которое как раз в этот момент лишилось своей территории. 8-го февраля Киев очутился в руках Советов, и Центральная Рада должна была бежать в Житомир. Делегации Центральной Рады некуда было ехать из Бреста со своим мирным договором. Нужно было или порвать ту бумажку, или обратиться за помощью к Центральным державам.

Центральная Рада и ее делегация остановились на последнем, и делегация Центральной Рады обратилась к „германскому народу" с воззванием, где говорилось: „9 го февраля мы подписали мирный договор с державами четверного Союза, глубоко и горячо желая жить в мире и согласии с соседями, с тем чтобы закончить бесполезную и братоубийственную войну и направить наши силы к единой цели—самостоятельному нашему существованию". Но наши враги—российские большевики; об'явили нам войну, и кровавые события совершаются ежедневно „в Волыни и в других местах". Мы собираем новые силы, чтобы противопоставить их все вновь прибывающим с Севера врагам. В этой тяжелой

борьбе за наше существование мы ищем помощи. Мы глубоко убеждены, что немецкий народ, который любит мир и порядок, не останется безразличным к нашей беде, и немецкая армия своим наступлением поможет нам защитить наши северные границы от дальнейших нападений врага".

„Немецкий народ" в лице Гинденбурга, Кюльмана, Гофмана согласился дать „помощь". Ибо ему самому не доставало помощи, и эту помощь он получил от Центральной Рады. „Ни мира не подписываем, ни войны не ведем"—это было страшным оскорблением для „немецкого народа" в лице тех же Гофманов и Кюльманов. Это была страшная дыра, которая напоминала о незаконченном деле, и тем более страшная, что через нее лилась „революционная зараза", и трудно было предвидеть, какая опасность прийдет из этой дыры. Нужно было унизить Советскую Россию, лишить ее в глазах своих трудяшихся масс того морального авторитета, который приобрела Россия во время мирных переговоров. Генералы и дипломаты страстно желали задушить Россию. Но просто было идти опасно. Как никак Россия от войны отказалась, и немецкий солдат, рабочий, крестьянин, не глядя на дисциплину, могли не послушать, и—чего доброго—могли сбыться мечты этих сумасшедших чудаков большевиков. Армия была технически вооружена, но недоставало соответственного политического оружия, которое оправдало-бы наступление немцев на Россию.

Это политическое оружие давала Централь-

ная Рада Теперь немецкое войско шло не само, а по призыву, и притом для охранения прав приневоленного народа.

Через семь дней после окончания переговоров, 17-го февраля началось наступление немцев. Россия не могла обороняться и должна была подписать, даже не читая, те условия мира, чрезвычайно тяжелые, которые продиктовала Германия.

Мир Россия получила слишком тяжелый. Но все же мир для нее был возможен.

Иное положение было Украйны. Один из пунктов мирного договора с Россией говорил, что Россия обязана признать мирный договор Центральных держав с Украйной.

И потому на Украйне война с немцами продолжалась еще месяца полтора после того, как Россия заключила мир.

VIII.

2-й Екатеринославский С'езд Советов Украины. Разгон Центральной Рады.

27-го января — 8-го февраля Киев был взят Муравьевым и Центральный Комитет с Народным Секретариатом переехал из Харькова в Киев.

Во время пребывания Ц И. К и Народного Секретариата в Харькове, отношения между ним и местным Советом и большевиками были очень испорчены, и во время выезда в Киев дело чуть чуть не дошло до вооруженной силы.

Если отбросить личные чувства отдельных лиц амбиционного характера (а такие чувства

нарождались вполне естественно за время острой борьбы, когда приходилось вести эту борьбу отдельными отрядами, без связи между собою, назначением „чрезвычайных“ комиссаров, эмиссаров и т. д., и когда народилось безконечное множество Главковерхов, наштабов, наркомов и т. д.), то об'яснение этому, главный источник его мы найдем в национальном вопросе.

Большинство, по крайней мере, наиболее влиятельной части, рабочих Донецкого и Криворожского Бассейна были неукраинского происхождения, да и украинские наиболее развитые и сознательные рабочие оторвались от своего национального корня,—и потому они относились безразлично и даже враждебно к украинскому движению, которое стремилось к созданию нового политического организма с центром в Киеве. Еще пока шла борьба Ц. Р. с правительством Керенского, они, стоя в стороне, протестовали против запрета и преград украинскому движению, ссылаясь на принцип: „право нации на самоопределение вплоть до отделения“. Украинские массы поняли это так, как и могут понять массы, что большевики (а это российская партия, ибо у нас, у украинцев, большевиков нет,—говорили украинцы) искренние друзья Украины, которые не станут на пути нашего национального освобождения, а этого национального освобождения нет и быть не может без права на самоопределение вплоть до отделения, как говорят сами большевики.

Когда началась открытая, вооруженная борь-

ба с Центральной Радой, большевики со всех частей Украины (ее границы обозначены в 3-м Универсале Ц. Р.) предполагали единодушно, что в противовес Центральной Раде должен составиться Советский центр на Украине, и ни один ответственный член этой партии не решался протестовать против провозглашения и создания Украинской Народной Республики. Наоборот, в полном согласии с програмным требованием права каждой нации на самоопределение, они открыто, или по крайней мере молчаливо, признавали эту новую Республику, принимали ее, как факт, становились на ее почву. Воля украинской нации вылилась, украинский народ выделился в Республику в федеративном союзе с иными частями России. Хорошо! Мы в этой Республике будем проводить борьбу за власть. Это будет борьба *не против* Украинской Народной Республики, не против украинского народа, не для того, чтобы снова придушить его. Нет! Эта борьба *в Украинской* Народной Республике за власть—это классовая борьба, так же, как идет борьба в каждой державе за власть, как, скажем, пролетариат России боролся за власть не для того, чтобы уничтожить Россию, а наоборот, чтобы Россия оставалась и не дальше самостоятельным, независимым государством, но государством не буржуазным, а пролетарским.

Так обосновалася та борьба, которая велась против Центральной Рады.

И пока стояла эта отрицательная задача,—до того времени было согласие. Было согласие

всех товарищей большевиков на создание Центрального Исполнительного Комитета и Народного Секретарата Но как только дело доходило до того, что новое Советское Правительство хотело действительно стать властью. тут и выяснилось, что эти большевистские Советы возражали и ссылались на то, что они считают своим правительством лишь Совет Народных Комиссаров, что никакого Украинского Исполнительного Комитета они и знать не хотят Каждый Совет отстаивал свое право на власть („вся власть на местах местным Советам"). Вот в этом и заключалось то тяжелое положение Советского Правительства Украины, о котором я упоминал раньше. Опираться ему не на кого было, кроме Советов, а Советы. которые сами же и создали Центральный Исполнительный Комитет, не хотели быть зависящими от него и не признавали его. Этот разброд об'ясняется именно национальными мотивами, ибо украинские массы или были на стороне Рады, или оставались в стороне, подозрительно поглядывая на те события, которые творились на их глазах. А события были такие, что трудно было ими притянуть на свою сторону. Массы же неукраинские не имели никакого интереса в создании отдельного политического центра Украинской Республики. Раздробленности и отсутствию координации. в борьбе Советов отвечала раздробленность, эксцентричность, анархичность борьбы эшелонных, реквизиционных, часто разбойнических отрядов

Получилось то, что те массы, которые мог-

ли быть своевременно привлечены к Советскому Правительству, остались либо в стороне, либо даже враждебными к нему. И это сказалось сразу, когда обратилась Ц Р. за помощью немецких штыков.

Вот это положение и отразилось и высказалось во вражде между Ц. И. К и Народным Секретар., с одной сторсны, и местными большевиками и Советами—с другой стороны. И такая картина была всюду: и в Киеве, и в Полтаве, и в Екатеринославе, и в Таганроге,—где только приходилось, находится Ц. И. К. за свой век. Только за недостатком времени, эта враждебность в других местах не успела вылиться в законченные формы, а в Харькове и времени было достаточно, как и достаточно было и своих особенных условий.

Тов. большевики из Донецкого и Криворожского Бассейна считали, что вообще их край не входит в Украину. Только империалистической политикой украинской буржуазной Центральной Рады можно об'яснить тот факт, что они входят в состав Украин. Народной Республики Такого взгляда держались и иные российские партии, и харьковский меньшевик Рубинштейн приветствовал большевистскую резолюцию об автономии Донецкого и Криворожского Бассейнов, которая была вынесена в первом Харьковском с'езде Советов Донецкого и Криворожского Бассейнов вместе с частью приехавших с Киевского с'езда делегатов. Эта резолюция была проведена из тех мотивов, чтобы отставшая аграрная часть Украи-

ны не задушила реакцией промышленную рабочую Слобожанщину. Но роль этой резолюции пришлось играть об'ективно,—не классовую, а национальную.

Опираясь на эту резолюцию и на „право самоопределения", в феврале, по выезде из Харькова Ц. И. К и Народного Секретариата, в Харькове был собран с'езд Советов Донецкого и Криворожского Бассейнов, который самоопределился не то в „самостоятельную", не то в „федеративном Союзе", Донецко-Криворожскую Республику, с своим Центральным Исполнительным Комитетом (Ц. И. К. Донбас) и с своим Советом Народных Комиссаров.

Фактически об'ективно и суб'ективно, новая Республика была создана против единого „национально-территориального" украинского Советского центра.

Положение последнего еще усложнилось тем, что при самом своем рождении в декабре на 1-м Всероссийском С'езде в Киеве, а потом в Харькове, он с формальной стороны не был вполне правомочным.

Чтобы устранить этот недостаток, Ц. И. К. поставил своей задачей, как можно скорее созвать 2-й Всероссийский С'езд Советов. Но этому мешали те очень сложные обстоятельства гражданской войны на Украине, которые нарушили связь с отдельными городами Украины, когда каждый город жил сам по себе, и когда сношения могли быть установлены лишь посыл-

кой особых гонцов. Ни почта, ни телеграф не мог быть использован.

Но вот через месяц Ц. И. К. очутился в Киеве. Назначается второй Съезд в Киеве. Но приходит известие о наступлении немцев 17—30 февраля, о панике в западных и прибалтийских губерниях, о согласии Совета Народных Комиссаров на все германские условия мира, в том числе признание мирного договора между Ц. Р. и немцами. Приходит известие, что Центральная Рада обратилась к немцам за помощью, что эту помощь она получила, и что немецкие и гайдамацкие войска двинулись на Украину и направляются в Киев.

Борьба, которая, казалось, подходила к концу, разгорается с новой силой. Но силы были неравные, особенно, если принять во внимание безразличность, а иногда даже и радость украинских масс, что возвращается назад Центральная Рада. Украинские массы были очень возмущены той анархичностью, теми грабительскими приемами борьбы различных отрядов и главков,— и потому в приходе немцев они не видели для себя опасности. Ударение ставилось ими не на том, что идет сильное немецкое империалистическое войско, а на том, что возвращается свое, украинское правительство.

При таких условиях нечего было и думать о Съезде в Киеве. Через две недел Ц. И. К. должен был выехать из Киева, и в Киеве засела вновь Центральная Рада.

На короткое время Ц. И. К. остановился в

Полтаве, силясь собрать здесь С'езд. Но и отсюда должен был вскоре выехать и переехал в Екатеринослав, где и созвал С'езд в середине марта.

На второй Всеукраинский С'езд Советов в Екатеринославе с'ехались представители той части Украины, которая была еще не занята Центральной Радой, и эвакуированные Советы. Главную часть составляли на этот раз представители Донецкого и Криворожского Бассейнов, признавши, таким образом, вновь себя составной частью Украины.

Это не помешало им вновь, тотчас же после С'езда проводить дальше свою политику по отношению к Ц. И. К., а в конце ко[illegible]з, для дипломатических ходов они провозгласили себя самостоятельной Республикой и предлагали немцам мирные переговоры. Но из этого предложения ничего не вышло, как не вышло раньше ничего и из предложения Ц. И. К. и посылки второй делегации в Брест Литовск, для заключения мира на тех условиях, которые подписала Центральная Рада. Делегация успела доехать до демаркационной линии, просидела там дня два под присмотром немцев и потом вернулась назад, ибо немцы отказались также допустить ее в состав Российской делегации.

На Екатеринославском С'езде собралось до 1000 представителей, которые почти пополам делились на большевиков и левых с.-р. Была небольшая кучка сторонников открытых (не открытых было значительно больше). Центральной Рады и левых у с.-д., независимых украинских с. р.,

которые не пользовались ни каким влиянием—тянулись все время в хвосте у большевиков, однако, с ними не сливаясь.

На С'езде была вынесена почти единогласно резолюция *о самостоятельности Украинской Советской Республики.* Резолюция была вынесена под влиянием об'ективного положения Украины в этот момент, когда по договору с немцами, Совет Народных Комиссаров должен был признать мирный договор с Ц. Р., вывести свою красную гвардию и заключить мир с Центральной Радой.

Таким образом, Украинские Советы ходом событий снова становились перед довольно грозным „фактом".—Связь с Петроградом, теперь Москвою была сразу порвана. Чтобы развязать себе руки в борьбе с нецмами и гайдамаками, Украинские Советы провозгласили самостоятельную Украинскую Рабоче Крестьянскую Республику, подобно тому, как Центральная Рада за 2 месяца до того провозгласила самостоятельность Украинской Народной Республики, чтобы развязать себе руки в борьбе с большевиками.

Что же касается признания Брестского мира, то С'езд раскололся почти попалам на две части: большевитскую и лево эсэровскую. Первое несколькими голосами взяли большевики, к которым присоединились у. с д. Разница была вот в чем.

Когда в октябре 1917 г в Петрограде пролетариат поднял революцию и передал власть в руки Советов, от российских с.-р., которые были против революции, откололась часть партии, кото-

рая и приняла название левых с.-р. Во время революции в Петрограде, эти левые с.-р. играли точнехонько такую же роль как Центральная Рада в Киеве—только результаты были иные: Центральная Рада захватила власть в свои руки, а левые с.-р путались с того времени в хвосте большевиков, пока 6-го—7-го июля в Москве, убивши немецкого посла Мирбаха, и поднявши восстание против Советской власти, не выкопали себе могилу.

После немецкого наступления и после согласия Совета Народных Комиссаров на ужасно тяжелый мир и ратификации (утверждения) этого мира 4-м чрезвычайным С'ездом Советов, левые с.-р. об'явили что они не берут на себя ответственности за этот мир и выходят из состава Совета Народных Комиссаров, в который они было вошли после победы Советов.

Логическим последствием этого ухода левых с.-р. была московская авантюра 6—7 июля.

Но тогда они еще не решались сделать этого вывода и потому одновременно ругали большевиков, как „предателей" мировой революции, России и т. д.—и хвалили, как действительных революционеров, с которыми они, левые с. р., идут нога в ногу. На Севере—в Москве „лидерам" левых с.-р., этим „безработным Комиссарам" как их в шутку звали, делать было нечего, и они подвинулись с „милого севера в сторону южную", в Украину, которую они об'явили страной, где их взгляды полностью господствуют.

На Екатеринославском С'езде и произошли

разногласия по поводу того, как отнестись к Брестскому миру. И зазвучали речи, какие перед тем звучали на 4-м С'езде в Москве. Никто и не подумал, что положение на Украине особенное. Украинские большевики стали на точку зрения „правых" большевиков во главе с Лениным и и признавали Брестский мир. „Левые" не признавали. И, как я уже раньше говорил, при помощи левых у с. д. с ездом была вынесена резолюция большевиков, о том, что Совет Народных Комиссаров поступил правильно, подписавши мир, и что с'езд также готов подписать мир с немцами на на тех условиях, как и Центральная Рада. Эта добавка была совсем лишней, не к делу, ибо для с'езда Украинских Советов и не могло быть иного выхода, как революционная война. Вот этот факт и проглядели обе стороны.

По поводу этой революции чуть не произошел раскол, но все же удалось довести С'езд до конца и избрать Центральный Исполнительный Комитет.

Новый Центральный Исполнительный Комитет был копией С'езда, и потому разногласия, поднятые на с'езде продолжались и в Ц. И. К. Разногласия возникли сразу же по поводу раздела портфелей в Народном Секретариате. Левые с.-р., ссылаяясь на то, что они есть партия „революционной войны", а большевики „капитулянты", требовали себе наиболее ответственные Секретарства: военное, продовольственное, путей сообщения и т. д. Большевики, как большинство,

вместе с левыми у с.-д, не соглашались с этим взглядом.

Тем временем немцы быстро приближались к Екатеринославу, и Ц И. К. переехал в Таганр г. Там продолжалась борьба и окончилось тем, что Народный Секретариат составился лишь из большевиков и у с. д. Левые с -р. не хотели признавать его, как правительство, признавали лишь Ц И. К. и в конце концов сделали попытку „восстания", силой захватить в свои руки ответственные места, но сделали это также постыдно, как и в Киеве.

Таким образом события в Москве 6—7 июля приобрели более или менее серьезный смысл лишь после двух репетиций на Украине сделать восстание: в начале января в Киеве против Генерального Секретариата Центральной Рады, и в конце марта—в Таганроге, против Народного Секретариата Центрального Исполнительного Комитета Советов Украины.

Эта борьба партии очень тормозила работу. А территория все уменьшалась, и собственно во время этой партийной борьбы осталась лишь территория Донецко-Криворожской Республики, которая фактически не хотела подчиняться Ц. И. К. Борьба на фронтах шла безостановочно. Но она была раз'единенной, раздробленной. Каждый отряд вел борьбу на собственный страх и риск Каждый начальник отряда считал себя независимым. И все же борьба с хорошо вооруженным и технически и дисциплинарно сильным врагом тянулась почти три месяца.

Через две недели, когда составился Народный

Секретариат, Центральная Рада с немцами захватила почти всю территорию, и в середине апреля Ц. И. К., избравши „повстанческую девятку", из четырех большевиков, четырех левых с.-р. и левого у. с д., распустился

Таков был главный ход событий за эти часы революционной жизни Украины по одну сторону фронта—Советского. По другую сторону тоже происходили важные события.

После того, как немецкое войско, по призыву делегации Центральной Рады, двинулось на Украину, один город за другим, в начале Волынской и Киевской губернии, а потом и других, но уже не так быстро, стал переходить в руки немцев и Центральной Рады.

Украинская делегация из Бреста уведомила украинских граждан о великом счастье, которое они добыли и везут с собой: о действительно „демократическом" мире, достойном свободного народа.

Центральная Рада была убеждена, что немцы идут на Украину лишь для того, чтобы ввести ее во владение Украйной и не будут вмешиваться во внутренние дела Украинской Республики. Она предполагала, что немецкое войско идет лишь для помощи Раде, будет лишь средством к восстановлению „мира и спокойствия".

Но скоро шило из мешка вышло, и очень неприятно поразило правительство Центральной Рады. Немцы стали вести себя так, как в завоеванной области, даже не обращая никакого внимания на Ц. Р.

Первая стычка Центральной Рады с командующим немецкой армией Эйхгорном возникла по поводу приказа этого немецкого генерала о засеве земли. Немецкий генерал приказывал крестьянам непременно засеять и свою и помещичью землю и угрожал суровыми наказаниями им, если его приказ не будет исполнен.

Центральная Рада встревожилась и обратилась к немецкому правительству, чтобы оно остановило своего генерала. Она еще не верила, или не хотела верить, что немецкие генералы и министры соглашаются с действиями генерала Эйхгорна.

В немецком парламенте был запрос по поводу этого инцидента.

Но дело шло своим чередом, немецкое войско подчинялось полностью только своим собственным начальникам, а эти последние правили всюду так как хотели, нисколько не считаясь с Центральной Радой. Расстрелы революционных крестьян и рабочих, которые встречали их с оружием в руках, производились без всякого суда. Гайдамаки не уступали им, и кое-где были еще более жестокими.

Эта полная самостоятельность поведения немецких больших и малых начальников все больше беспокоила и нервировала Центральную Раду и вызывала враждебное отношение между украинскими солдатами и немецкой армией. Чем дальше продвигались немцы по Украине, тем больше разросталась враждебность. Гайдамацкие части немцы стали понемногу обезоруживать

так что в конце апреля, когда вся Украина очутилась за Центральной Радой, эта последняя осталась без собственного войска и полностью зависела от немецких генералов. Немецкие генералы пока не трогали Центральную Раду. Но вот вся Украина была завоевана, и им стала ненужной эта ширма. Тогда они принялись за самую Центральную Раду. В конце апреля с их согласия и благословения собрался колоссальный С'езд (8—9 тысяч) украинских хлеборобов—собственников, которым руководили украинские помещики. На этом с'езде они избрали гетмана бывш. царского генерала, а во времена Центральной Рады атамана вольного казачества—Павла Скоропадского.

Одновременно же заседала и Центральная Рада, которая, разумеется, не могла не заметить того, что творилось под боком и обсуждала вопрос, как вновь обратиться к немецкому правительству с жалобой на поведение его лейтанантов на Украине. Но немецкое правительство было далеко, а под боком заседал С'езд хлеборобов собственников, враждебно настроенных к Центральной Раде, и потому она решила обратиться к немецкому послу Муму с запросом, чего собственно хотят немцы, что они собираются делать. Была избрана делегация к Муму, которая заявила немецкому посланнику, что Центральная Рада согласна на компромисс, на создание коалиционного правительства, на перемену в земельной политике, готова отказаться от социализации

земли и признать принцип частной собственности на землю.

Немецкий посол ответил:

— „Поздно"!

А Центральна Рада еще сидела и рассматривала законопроект... о конституции Украины, в то время когда под диктовку немецкого лейтенанта, российских черносотенцев и землевладельцев-помещиков новорожденный ясновельможный гетман писал:

„Центральная, Малая Рада, а также все земельные Комитеты, с сегоднешнего дня распускаются. Все министры и товарищи их увольняются".

В самую Центральную Раду явился немецкий отряд, и лейтенант скомандовал:

— „Встать"! „Руки вверх"!

Такого казуса их конституция не предусматривала. И они должны были покорно встать и поднять руки вверх—все министры, и их товарищи, и просто члены Рады. Только старик М. Грушевский сидел неподвижно

Так бесславно окончила свой век Центральная Рада.

Но чтобы глубже забить осиновый кол на могиле Рады, немцы вскоре создали процесс против бывших ее министров из кабинета Голубовича,— того Голубовича, который был представителем первой делегации в Бресте и заседал на частной квартире около больного австрийского министра графа Чернина для „интимных" разговоров — того Голубовича, чье правительство призвало немце-

на Украину. Теперь Голубович должен был идти под суд немецкого прокурора и лить горькие следы, чтобы смилостивились над ним... Но это уже тема не для истории, а для сенсационного романа в 6.000 метров длины...

Рада умерла, народилась гетманщина...

История начала строить рожи, гримасы...

IX.

Гетманщина

„Была когда то гетманщина, не вернется снова",—писал когда то Т. Шевченко. Он ошибся. Гетманщина вернулась, но вряд ли она бы ему понравилась.

История, говорят, повторяется два раза: в первый раз как трагедия, в другой—как фарс.

Гетманщина времен Наливайко, Сагайдачного, Богдана Хмельницкого, Мазепы, Полуботка, —это была действительная трагедия Украины, наивысший пункт героической борьбы украинского народа за свои вольности, права, самостоятельность, независимость против сильных соседних крепостных держав Польши и Москвы.

Современная гетманщина, гетманщина Павла Скоропадского, Лизогубов—это фарс, каррикатура на свою историческую предшественницу.

Даже исторический предок Павла Скоропадского, гетман Иван Скоропадский, слабодушный, добрый недотепа, о котором говорили, что он носит юбку (плахту), а его жена, красавица Настя, правду,—даже он не мог безразлично относиться

к стремлению Петра I—уничтожить последние права Украины, какие остались после Мазепы, заболел и умер.

Но его исторический потомок Павел Скоропадский, воспитанник распутинской школы царя Николая II, гетман—Хлестаков, не способен на героизм, ибо и родился он в такое время, о котором известный российский поэт Некрасов писал:

„Бывали времена похуже,
Но не было подлей."

А известно, что всякому овощу свое время. Иван Скоропадский носил плахту своей жены, красавицы Насти, а Настя носила его булаву.

А чью плахту носил Павел Скоропадский? И кто носит его булаву?

Плахта Павла Скоропадского имеет берлинский покрой, а la Вильгельм. Гинденбург, а сшита она истинно—русскими портными: Родзянко, Шульгиным, Милюковым и другими друзьями и приятелями Украины. Что же касается булавы, то она тоже имеет удивительный вид: не булава, собственно немецкая каска, а носят ее брандмейстеры контр-революции, которые тушат революционный пожар, возникший от их же огнива.

Когда нарождался гетман на'езде хлеборобов 29-го апреля 1918 года, то ангелами хранителями его и акушерами были немецкие лейтенанты. Немецкий лейтенант разогнал Центральную Раду, вооружил сечевых стрельцов, а вокруг гетмана стали ангелы-хранители из безработных царских российских жандармов, полицейских, офицеров и бюрократов.

Новорожденный гетман обратился с грамотой к украинскому народу, где он писал:

„Как верный сын Украины, я решил... взять на себя временно всю полноту власти. Этой грамотой я провозглашаю себя гетманом всей Украины."

Говорят, что его избрали хлеборобы, но гетман смотрит на это, как на комедию. Не избрали его, а он сам провозглашает себя гетманом. Не достает только „милостью Божью."

Видно пана по холяве (голенищам).

Дальше: „Права частной собственности, как фундамента и культуры и цивилизации, восстанавливаются в полной мере и все распоряжения бывш. Украинского правительства, а равно Временного Российского правительства, отменяются и уничтожаются."

Значит все возвращается к временам царя Николая II. Недаром по нем служили панихиды по всей Украине!

„Разрешается полная свобода заключения крупчих, по купле и продаже земель".

Гетман пополняет: „Мне далеки и чужды какие бы то ни было личные побуждения и главной моей заботой я ставлю богатство и добро народа всем нам дорогой Украины".

Мы сейчас увидим, что ясновельможный пан гетман любит Украину так, как говорится в пословице: „Люблю как душу,—трясу как грушу."

Собственно говоря, пан гетман носит плахту немецкого лейтенанта, а булаву носит и всем управляет, заботится о „богатстве и добре" укра-

инского народа и Украины немецкий лейтенант.

Все тянут к себе, все пригодится.

Глупые „хохлы" никак не могут понять этой политики, зовут это кражей, грабежом, кричат „караул! крадут!" и сопротивляются чем можно: вилами, кочергами, ружьями, пулеметами, а кое-где и орудиями. Не понимают того, что это для их же „пользы" берут их „добро и богатство" и везут в Германию. А что нельзя вывезти: земли, леса, фабрики и т д., то их отбирают от крестьян и рабочих и передают помещикам и капиталистам,—пусть берегут „богатство и добро" украинского народа.

Но и этого не понимают рабочие и крестьяне. Известно, темный, безграмотный народ. И вновь сопротивление чем только можно: кочергой, вилами, ружьем, пушкой. Что с ними делать? Как их научить, просветить, для их же „пользы"? Учить им, лейтенантам, не впервые! Хорошо вооруженные, дисциплинированные отряды немецкие, учат темныхъ, необразованных крестьян орудийным и пулеметным огнем, расстреливают, вешают, уничтожают до тла села, разрушают край. Пожарами сел и городов освещают и греют, кровью крестьян и рабочих поливают земли немцы и ясновельможный пан гетман.

А кому холодно на пожаре, тому дают казенное помещение в тюрьме.

Мерзлящий народ стал на Украине, никак не наготовить для них тюрем. Еще бы нужно было насадить, но некуда.

„Новая Рада“ (№ 96) оповещает:

„К нам доходят безконечные жалобы на действия новой власти на местах“ .. Нам... известно, что в Киевское Губернское Земство жалобы, заявления, мольбы о помощи идут такими массами, что для регистрации и пересылки, куда следует, заведено особое делопроизводство“.

Ясновельможный пан гетман так заботится о благоденствии украинского народа, так печется, чтобы никого не оставить на холоде, чтобы как можно больше людей „облагодетельствовать“ казенной квартирой в тюрьме,—что нужно основывать целые канцелярии лишь для записывания тех „жалоб, заявлений и желаний советов“, идущих от глупых хохлов, которые и тут не понимают, что тюрьма дается им для их „пользы“.

Старых канцелярий недостаточно, нужно основывать новые. И не управляются старые канцелярии не потому, что там сидят люди, которые не привыкли в канцелярской работе, как вот рабочие и крестьяне в Советской России Нет, там сидят люди, которые выросли в канцеляриях, специалисты, да еще не какие-нибудь, а прямо из Петрограда, Москвы и иных городов России, где они проходили школу царских канцелярий.

Такая масса российских бюрократов, чиновников двинулась на Украину, что даже квартир в Киеве не достает. Это та самая братия, которая раньше „сыпала“ писать по царским, полицейским, сенатским канцеляриям и добавляла к своей фамилии „ов“, а теперь „посыпала“ в Украину добавляет к своей фамилии „ко“. Но—„святи

ее, кресли ее—свинья свиньей будет"! Как не недобавляйте „ко", но сразу изучить украинский язык нельзя И русское чиновничество очень недовольно, что от него требует знания языка того народа, среди котораго он живет. Он привык, что народ должен быть для него, а не он для народа. Кроме того, всякий, кто знает украинский язык, —это уже сильный конкурент для российского бюрократа. Да и вообще чего доброго, тот самый язык, о котором говорил их предшественник, российский бюрократ министр Валуев, что его „нет, не было и не будет", станет преградой к возрождению „единой и неделимой" царской России. А российские бюрократы, жандармы, помещики, капиталисты—спят видят "единую неделимую„, где они господствуют, где им возвращены фабрики и заводы и земля, и где нет никакого „сепаратизма" никакого „мазепанства".

Поэтому нечего удивлятся, если в украинской державе бывают случаи: „арестован украинский деятель и писатель Самиленко за решительные шаги по украинизации школы" („Новая Рада", №96).

Специалисты по обрусению и ограничению негосудаственных языков становится теперь „либералами" и добиваются свободы языка... для бюрократов, но не для народа.

В украинской державе, в гетманщине еще до сих пор не разрешен вопрос об украинизации школы, еще до сих пор спорят, каким языком нужно учить украинских детей. А если найдется горячая голова, если подумает, что тут и думать нечего, и начнет учить украинским языком, то ее запрут

в холодную тюрьму, чтобы она остыла немного.

Украинские ясновельможные и неясновельможные паны: гетман, министры, старосты, командиры—это преимущественно российские бюрократы, полицейские, жандармы, офицеры, черносотенцы, октябристы, кадеты, помещики, капиталисты. Какое-то гнездо российской контр революции!

Вся эта сволочь слетелась на Украйну, чтобы снова сделать Киев черносотенной матерью городов русских, чтобы с помощью или немецких, или английских, американских, французских, японских банкиров, генералов, помещиков, возродить „единую и неделимую" Россию и возвратить свои имения, фабрики заводы, снова зажать в кулак „инородцев" и показать им „самоопределение".

Сюда слетелись все российские патриоты и немцееды. Здесь и кадетский певец о Дарданеллах Милюков, и октябрист Родзянко, и монархист Шульгин, и прочая, и прочая, и прочая—„имена же их Ты, Господи, веси".

Наперегонку один перед другим стараются они добиться милости немецкого лейтенанта. Каждый из них хитрит и мудрит, как бы „спасти родину",—и продает ее оптом и в розницу. Кто больше даст!

Милюков, Родзянко, Шульгин, Краснов падают у ног Вильгельма. И в то же время вступают в соглашение с Дутовым, учредиловцами, которые трутся около Вильсона, Ллойд Джорджа, Клемансо.

Все к цели одной,

Все к жизни великому средству,—
как писал русский поэт Жуковский. Лишь бы только задушить рабоче-крестьянскую революцию!

До последнего времени из этих попыток ничего не выходило. Ибо пока Германия бьется не на жизнь, а на смерть с Англией, Германией и Францией, до тех пор российской контр-революции, не удастся ничего сделать. Германии нет никакого интереса сейчас восстанавливать для пользы Англии, Америки и Франции монархическую Россию, готовить себе врага. Для нее лучше, покуда что, чтобы существовала слабая Советская Россия, как ни желательно было-бы ей задушить русскую революцию Но теперь положение изменилось.

На пятом году войны Германия не выдержала страшного напряжения своих сил и подалась. На западном фронте она должна отступать. Болгария заключила сепаратный мир „с союзниками". Австрия переживает революцию и не воевать не может, Турция тоже обессилена и нечего ждать от нее какой либо помоши. Революция у дверей самой Германии, Правительство призывает правительственных социалистов Идет молва об отречении Вильгельма от престола, о правительстве Гаазе Ледебура Германия должна согласиться на все условия мира, предложенные Вильсоном, должна выслушивать издевательские поучения ханжи Вильсона. Старая милитаристическая Германия. Германия юнкеров, Круппа— треснула и шатается. Она соглашается со всеми условиями мира Америки и Англии, своих наи-

злейших врагов до этого времени, лишь бы только задушить революцию у себя. Теперь главный враг—это большевизм.

Большевизмом пугает Германия Англию и Францию. Газеты немецких черносотенных генералов и помещиков пишут: „в борьбе с большевизмом мы видим мост, на котором об'единяются интересы культуры и хозяйства Тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия и Турция В. С.) и его врагов (Англия, Америка и Франция В. С.). Сильная Германия будет иметь возможность дать достаточный отпор большевизму, если же она будет им пересилена, то тогда факел наиболее зверской революции, которую видел мир, разрушит Европу в пепелище Антанта („союзники") не должны упускать с глаз этой опасности". Таким образом, Германия уже соглашается приняться за разрушение Советской России, готова помочь российской контр революции, чтобы задушить российский народ, как она душит украинский народ. Но сейчас она сама слаба, и потому она вымаливает у Англии и Америки с ее позволения стать палачем российской революции.

Англия и Америка чувствуют себя еще сильными, им сейчас революция не кажется еще такой страшной, они еще надеются сами стать палачами России и добить Германию.

Российская контр-революция вновь подняла голову и ждет помощи через Балканы и Дарданеллы Как придет эта помощь,—придет ли к соглашению англо американский империализм с германским, или нет—для нее все едино. Она

чувствует силу в англо-американском капитале и вновь простирает к нему руки с мольбою.

Лицемерный ханжа Вильсон, который прикрывает свои хищнические намерения „демократическими лозунгами", в роде „мир на основе самоопределения народов", на запрос украинского посла в Болгарии, согласится ли Вильсон, чтобы на мирной конференции принимала участие Украина, ответил, что он хочет видеть на ней представителя „единой России". Этот ответ очень обрадовал российских контр-революционеров и придал им нового духа.

Но что же делают те украинские партии, которые входили в Центральную Раду и призывали немцев на помощь?

На какую позицию они стали после того, как их выкинул за дверь немецкий лейтенант с царским генералом, пардон паном гетманом Скоропадским?

Рабочие и крестьяне повернулись к ним спиной,—и они повернулись к народу тоже спиной.

Они обивают пороги немецких и гетманских канцелярий, делают доносы на российских бюрократов, позорят свой народ, и изо всех сил стараются выслужиться перед ясновельможным паном гетманом. Они забыли, как их прогнали, оплевали, издевались, глумились. Их больше всего обижает, что ясновельможный пан гетман и министры не обращают на них никакого внимания, не хотят принять их услуг, не хотят войти в соглашение с ними. Они пекутся об украинской державе— и сделали ее ненавистною для

украинских крестьян и рабочих. Не на кого опереться,—и они стараются добиться помощи, добыть поддержку на стороне. Как и их враги, против которых они об'единились в национальный союз от хлеборобов-демократов до у. с.-д., они полагаются не на собственные силы, а на „ориентацию". У кого искать поддержку: у Германии или Англии,—Америки—Франции? Так стоит для них вопрос!

И в то время, когда их враги, российские контр-революционеры, спят и видят „единую и неделимую", для них чем дальше, тем труднее становится: Вильсон желает видеть на мирной конференции представителя единой России, и Германия уже боится дальше играть с огнем, с Советской Россией, и просит разрешения у антанты погромить ее. Ни России, ни Украине от этих намерений добра ждать ничего. Англо Американско-Французские и Германские империалисты собираются помириться и за счет России и за счет Украины.

Крестьяне и рабочие Украины страшно возбуждены и недовольны господствованием немцев, помещиков, капиталистов, российских черносотенцев и украинской буржуазии. Рабочие забастовки не утихают ни на минуту. Летом стояли,—был такой период,—почти все железные дороги.

Крестьянство дает сопротивляется вооруженной рукой, поджогами экономий, убийствами, порубкой лесов...

Командующий немецкой армией на Украине

Эйхгорн убит, министр путей сообщения Бутенко ранен.

Отдельные отряды повстанцев образовываются то в одном, то в другом месте...

Но это движение раздробленное, разбитое, не имеет определеннаго центра, около которого оно бы могло сконцентрировать свои силы.

Некоторые села совсем разрушены, уничтожены.

Но движение не угасает... А тут еще замечается между немецкими солдатами революционное движение. Кое где, напр. в Харькове, они манифестируют с красными знаменами, отказываются выступать против крестьян, отдают оружие, пулеметы крестьянам...

Так навстречу идет помощь и Советской России и Украине. Эта помощь международная революция.

Современная „самостоятельная" Украина, гетманщина — это гнездо российской контр-революции, которая, как черные вороны, покрыла Украину и пьет кровь украинского народа. Современная гетманщина — это тюрьма украинского народа. Украинский народ еще должен завоевывать свое отечество, свою Украину. Его союзником может быть лишь Советская Россия, лишь международный пролетариат. Рука об руку с ними он завоюет себе действительно самостоятельную Украину.

X.

Украинский национальный вопрос.

В этом коротком очерке я пытался обрисо-

вать главные этапы украинского национального движения, как он происходил на фоне русской революции.

Трудно сейчас быть совершенно об'ективным, особенно когда живешь во время не законченной борьбы. Но я старался, насколько можно, обрисовать это движение, как говорят, Sineira et studio (без гнева и для изучения).

На мирных переговорах в Бресте делегация Центральной Рады ссылалась на суд истории. Наша история,—говорила делегация,—наши потомки, наш народ скажет, кто действительно революционер и кто контр-революционер, кто заботится о благе и счастии своего народа, кто его друзья и кто враги.

История скажет... О кое чем она уже сказала... О призыве немцев на Украину тою же делегацией и история и современники дали свой суд, и потомки наверное присоединятся к этому суду.

Пусть история судит и дальше.

Я же в заключение хочу подчеркнуть ту основную тенденцию, какую обнаружило украинское национальное движение на фоне современных мировых событий.

1) Современное международное положение Украины определяется двумя основными, обстоятельствами:

а) На западе Европы уже пятый год идет война между союзом Центральных держав во главе с Германией, с одной стороны,—государ-

ствами антанты (согласия): Англии, Франции, Америки Италии и др., с другой.

б) Рядом, на севере, существует Советская Рабоче-Крестьянская Россия, с которой Украина жила до последнего времени общей жизнью и была связана нитями и интересами культурного социально экономического и политического характера.

2) Что касается первого обстоятельства, то оно влияет на положение Украины в двух направлениях. Очутившаяся, в результате поражения России и своеобразно сложившегося революционного процесса на Украине, в лицах австро-германского империализма, формально „самостоятельная" Украинская держава вынуждена кормить своим хлебом, углем, железом и проч. Германию и Австрию, истощается экономически, углубляется ее хозяйственный кризис после войны и революции. Война на западном фронте составляет главную задачу австро германцев, и ради достижения своих намерений в этом месте, они тем беспощаднее и суровее налегают на Украину,—что не может не вызывать глубокого недовольства и возмущения самых широких масс населения Украины. С другой стороны, продолжающаяся война усиливает разрушение хозяйства воюющих (и не воюющих) государств, ставит широкие массы пролетариев и полупролетариев перед ужасами голода, нищеты, толкает их на борьбу с империалистической буржуазией, революционизирует массы. Чем больше и глубже тонут империалисты всех оттенков, чем сильнее и безнадежнее они запу-

тываются,—тем больше шансов на скорое неизбежное революционное движение на западе, которое станет помощью Украине и который уже начался в Австро-Венгрии и стучится в двери Германии.

3) Существование Советской России, тоже ослабленной, тоже издерганной со всех сторон империалистами и домашними контр-революционными белогвардейскими выступлениями, бессильной в данный момент подать прямую помощь, имеет чрезвычайное морально-политическое влияние на массы пролетариев и бедноты, поддерживает их дух, дает уверенность в победе.

4. Современное международное положение Украины совсем нельзя считать постоянным и установившимся. Не говоря уже о том, что в случае революции в Австрии, а за нею и в Германии (а революция в них растет на наших глазах) она легко освобождается из лап австро германского империализма,—всякая перемена счастья на фронте изменение положения России, и во всяком случае заключение мира между антантой и союзом центральных держав сразу же отзовется на положении Украины. И мы, действительно, наблюдаем сейчас с чрезвычайной ясностью, наглядностью, как влияет перемена в отношениях воюющих государств на международном государственном положении Украины. Победа Антанты на западном фронте над Германией сразу же отозвалась на Украине. И украинские партии, которые об'единились в „Национальный Союз", и российские партии от монархистов до меньше-

виков (меньшевик Сан заявляет, что ему по дороге с российскими монархистами для возрождения „единой и неделимой России"), — забегали в поисках новой ориентации. И те и другие все все время ищут себе защиты то у одной, то у другой империалистической группы До последнего времени обе придерживались ориентации на Германию. Германия поставила во главе Украины российских кадетских генералов, бюрократов, помещиков, капиталистов, но все же отказывалась поддерживать стремления русских контр революционеров в полной мере, целиком, и в первую очередь их желание возродить „единую и неделимую". Это давало надежду украинскому союзу — не смотря на то, что немцы третировали их все время, как дохлую собаку, — что Германия искренно стремится поддерживать Украинскую державу, что немцы находятся на Украине, чтобы помочь украинскому народу „построить свою собственную хату" (Нова Рада), да только вот проклятые российские черносотенцы обманули немцев.

Но теперь положение изменилось. империалистическая Германия треснула, зашаталась, и гегемоном становится Антанта во главе с Северо-Американскими Соединенными Штатами. Сейчас ветер дует в сторону российского „союза" (хотя и не оформленного)—от меньшевиков до монархистов—и против украинского союза.

Германский генеральный штаб и юнкерство, в своей газете „Крейц Цайтунг" оправдывается, ссылаясь на историю, перед Антантою, что Гер-

мания до сих пор не выполнила роли палача русской революции, и просит позволения у Антанты присоединить и их силы к силам англо-американского империализма.

С другой стороны, Моисей англо-американского империализма, лицемер и ханжа Вильсон желает видеть на будущем международном мирном конгрессе „представителей единой России", одновременно перебирая четки, воздев очи горе и шепча молитвы о „самоопределении наций".

5) Но эти последние факты совсем еще не означают, что вопрос самостоятельно-государственного положения Украины не имеет никаких оснований в современных условиях жизни. Подобно тому, как говорить, что захват австро германскими империалистами Украины под видом помощи украинской контр революци является политическим выражением того факта, что самостоятельная Украина невозможна в современных условиях мирового хозяйства,—значит слишком поспешно обобщать, постулировать, возводить на степень непреодолимого закона моментальное положение Украины, предрешать ту истину, которую нужно еще доказать А это можно сделать лишь исходя из внутреннего состояния и анализа того процесса, который прошла Украина во время революции

6) Такой анализ показал бы, что Украина и величиной своей территории, и богатством своих природных благ, и по компактности и однородности состава своего населения имеет все данные, чтобы жить самостоятельно-государственной еди-

ницей. Отрицательно влияющие факторы (отсутствие кое где резко-определенных границ, близость к пути Багдад Гамбург и проч.), не могут совершенно считаться за непреодолимые. В то же время они компенсируются достаточно выявленной со стороны различных классов и организаций Украинства волею создания своего государственно-политического центра. Развернувшийся в 1917—1918 году широкий и глубокий процесс организационного национально государственного строительства, захвативший самые глубокие и придавленные слои украинского населения, и положивший свою печать на все формы и на всех этапах развития революционного движения на Украине,—этот процесс обнаружил достаточно-определенную и не двусмысленную тенденцию, которая характеризуется и определяется его вехами:

а) создание в марте—апреле Центральной Рады, сразу ставшей центром украинского движения и приобревшей громаднейший авторитет для украинских масс;

б) Провозглашение автономии Украины 10-го июня первым Универсалом Центральной Рады с ясно выраженной тенденцией к полной самостоятельности во всех вопросах, касающихся Украины („отныне мы сами будем творить нашу жизнь“);

в) Провозглашение 7 ноября Украинской Народной Республики в федеративной связи с прочими частями бывш. Российской империи: Великороссией, Доном, Сибирью, Кавказом и проч.

г) Создание в декабре 1917 года нового по-

литического центра и противовес Центральной Раде—Центрального Исполнительного Комитета Всеукраинских Советов;

д) Выступление этих двух центров на международной арене—на мирних переговорах в Бресте;

е) Провозглашение самостоятельности Украинской Народной Республики—в средине января 1918 года Центральной Радой и в середине марта—вторым Екатеринославским С'ездом Украинских Советов.

7) Тот факт, что Украина попала в настоящий мемент в орбиту Австро Германии нисколько не нарушает главного направления этого развития, а лишь придает ему несколько иной вид *и усиливает его*. А именно Украина тем самым становится ближе к Галиции и притягиевает к себе ту часть украинской территории и населения, которая находилась за последнее столетие в границах Австрии, помагая в значительной мере революционному в ней процессу и тем самым ускоряя развал лоскутной монархии, поражая Австро-Германский империализм в самое чувствительное место. Таким образом, самым об'ективным положением Украины подсказывается тот вывод, о котором говорили галицийские с.-д. в своем меморандуме социалистическому конгрессу который должен был собраться в Стокгольме—о единой самостоятельной Украине.

Процесс революционизирования Европы продолжается и мы уже видим наглядно революцию в Австрии и рост ее в Германии. Австрия

распадается, и на ее месте создаются новые государства, построенные по национальному принципу. Как отражается на Украйне эта другая сторона изменения в международных отношениях, о которой мы говорили выше,—указывает тот факт, что во Львове созывается украинское Учредительное Собрание. Мировая революция спутает все счеты империалистов, и народы сами будут определять свою волю, а не ханжи и лицемеры международного империализма будут их „самоопределять“

3) В то же время этот вывод—самостоятельная Украина—нисколько не противоречит программе интернационала и Р. С. Д. Р. П раньше, теперь Р. К. П. право нации на самоопределение,—а наоборот логически вытекает из нее и в наибольшей мере способствует единству рабочего движения Самостоятельность национально организованных государств не может стать на пути к об единению сил пролетариата в его борьбе против империализма. Наоборот, как раз насильственное об'единение Украины с Россией и явилось препятствием к единству пролетариата, вызвало то раздробление, раз единение, которое мы наблюдаем во все время революции на Украине.

6) Внутреннее положение в данный момент характеризуется, с одной стороны, широким развитием массовых движений, с другой—эксцентричностью его, отсутствием одного связывающего центра и полной беспомощности буржуазных и мелко буржуазных кругов.

В общем и целом замечается два лагеря по линии: самостоятельность Украины — возрождение единой и неделимой России. На первой платформе об'единяются в настоящий момент все украинские национальные партии — от хлеборобов-демократов до у. с.-д. На второй — все неукраинские партии.

Внутри этих двух основных группировок заметны свои подразделения:

А) Украинский национальный союз: а) компактная группа, собственно союз, сторонников независимости с помощью той или иной „ориентации", в данный момент Австро-Германской. б) Незначительная группа у. с.-д., призывающая к восстанию за Учредительное Собрание.

В) Российский „союз": а) крупные землевладельцы и капиталисты („хлеборобы") с кадетами во главе, пытаясь возродить единую и неделимую Россию с помощью немецких штыков, повернуть к более или менее „конституционной" монархии. б) Мелкобуржуазная и интеллигентски — чиновничья масса, возглавляемая меньшевиками, ожидающая великих и богатых милостей от антанты („союзников"). в) Группа сознательно или несознательно лево эсеровского оттенка, сторонников „Советской власти", ее изгои, отряхшие прах более менее открыто с ног нынешней „соглашательской" России со времени заключения и ратификации мирног[о]

договора и особенно лево-эс-эровского восстания в Москве.

10) Раздробленность современного украинского движения об'ясняется общими условиями развития революционного процесса на Украине, усилением национальной вражды, вследствие лишения, более менее открыто прав на самостоятельное государство со стороны неукраинских элементов, недавним поражением революции и перевесом мелко буржуазных элементов. Мелко буржуазная (крестьянская преимущественно), масса под влиянием ужасов австро германских грабежей и разрушений бросается из стороны в сторону), что обнаруживается в области решения национального вопроса метанием от требования полной самостоятельности Украинской Республики до полного (на время) отречения от какой то бы ни было собственной политической физиономии.

В противовес этим блужданиям и колебаниям мелко-буржуазных масс и их идеологов прелетариат должен выявить твердое и неуклонное решение национального вопроса Украины, исходя из програмного требования права на самоопределение и исторических конкретных обстоятельств.

11) Главная ошибка нашей партии в прошлом заключалась не в том, что мы будто бы поддавались „шовинизму", „национализму" и не поддерживали единства пролетариата, а в том, что мы это единство понимали по книжному, голо, абстрактно, не деятельно, в том, что мы не могли провести в жизнь, показать на деле это единство, а для этого мы должны были по крайней мере в

процессе революции стать лицом к национальному движению в то время, когда мы только декламировали про самоопределение, не давая *никакого решения* на вопрос, как же по нашему должна определиться Украина *). Наша позиция, выражаясь математическим языком, была необходима, но недостаточна поскольку мы не сделали вывода из нашего програмного требования в применении его конкретным обстоятельствам.

12) Незакоченный и пока неудавшийся в

---

*) Примечание ко 2 изд. Когда я говорю, что партия не давала „никакого решения на вопрос, как же по нашему должна определиться Украина",—то здесь нужно иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, в моем утверждении нет ничего удивительного, экстраординарного,—наоборот, это очень распространенный взгляд среди работников Украины. Сошлюсь на ст. В. Затонского „Из недавнего прошлого" („Коммунист", № 3—4, I—VII—1918): „На основной вопрос—отношение к национальному движению, определявшему в значительной степени политику пролетариата на Украине, партия отвечала практически *вполне нечленораздельно*: „право наций на самоопределение (курсив мой. В. С.). Сошлюсь на еще более авторитетное официальное заявление „коммунистической партии (большевиков) на Украине", в № 5 „Коммуниста": „мы... не давали общего ответа на вопрос, каких же форм взаимоотношения с Великороссией добивается пролетариат Украины: добивается-ли он областной автономии, федерации, самостоятельности, или, может быть, он не желает никакого политического выделения Украины, добиваясь непосредственной связи каждого местного совета с всероссийским центром".

Но именно это обстоятельство побуждает меня, во-вторых, внести кое-какие ограничения в свое утверждение, во избежание недоразумений. Мое утверждение следует разуметь в том смысле, что партия не выполнила (а может быть и невозможно было выполнить) одного из требований своей программы, вытекающего из „абстрактной", „нечленораздельной" формулы: право наций на самоопределение.

А именно: не было дано конкретного анализа развития украинского движения. Исторический опыт показал, что тот ответ, который мы давали (а мы давали ответ): „непосредственная связь каждого местного совета с всероссийским центром",—этот ответ не был ответом на украинский вопрос.

Подробнее об этом см. мою и С. Мазлаха брошюру: „Дохвил

полной мере процесс организации украинского народа в самостоятельное, независимое государство, вместе со зверствами немцев при установлении „спокойствия и порядка“ и бесстыдный грабеж достояния украинского народа, только вызывает и будет вызывать с увеличенной силой возмущение широких масс украинского крестьянства и рабочих. Мы переживаем и будем еще переживать сильное национальное движение, значительно измененное в огне испытаний. Это усиливает его размах относительно австро германского империализма,—а это сейчас самое главное. Бояться нам его нечего. Мы должны его поддержать, стать к нему лицом, дать бой украинской и империалистической буржуазии в ее последнем убежище, разоблачить двусмысленную, лицемерную, трусливую политику буржуазии украинской, российской, империалистической вообще. Выявить положительно отношение целиком к законному желанию украинского народа создать свое государство.

Исторические факты, исторический процесс, когда люди вынуждены были ходом событий притти к одному и тому же выводу, исходя из самых различных соображений и взглядов, и наше *марксистское програмное требование*: осуществление права наций на самоопределени, т. е. права каждой нации на создание собственного государства;—*с точки зрения общих принципов и тенденций* развития национальных движений в эпоху империализма и способа их решения интернациональной рабочей демократии, как и с

точки зрения конкретных о
никновения, развертывания, т
украинского национально револ
цесса;—словом, и *принципы и фак*
недвусмысленно, совершенно определе
нудительно *диктует только один вы*
раина должна быть и будет (если социа
ческая революция и социализм не фраза и
шарлатанство) *единой и самостоятельной.*

Положение Украины как раз таково, что путь к об'единению с соседними государствами лежит только через самостоятельность, но не „самостоятельность" Скоропадского, а самостоятельнссть Советской Украины, Украины Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов. В противном случае, возможны и будут войны—против сициалистического государства и революции.

Национальные антипатии так быстро не исчезнут, ненависть—и вполне законная—у нации угнетаемой и угнетающей *останется* на время: она испарится лишь *после* победы социализма и *после* окончательного установления вполне демократического отношения между нациями.

Победоносный социализм необходимо должен осуществить полную демократию, а, следовательно, провести не только полное равноправие наций, но *и осуществить* право на самоопределение угнетенных наций, т. е. право на свободное политическое отделение.

Социалистические партии, которые не докажут всей своей деятельности *и теперь, и во вре-*

полной мере *после ее победы*, что они осво-
народа в самост[illegible]ные нации и построят отноше-
ство, вместе [illegible]а основе свободного союза,—а сво-
лении „сп[illegible] есть лживая фраза без свободы от-
грабеж [illegible]—такие партии совершили бы измену по
зывае[illegible]нию к социализму
во[illegible] Победоносный пролетариат не может нака-
кому чужому народу навязывать никакого осчаст-
ливления, не подрывая этим своей собственной
победы.

Пролетариат не сделается святым и застра-
хованным от ошибок и слабостей только от того,
что он совершит социальную революцию. Но воз-
можные ошибки (и корыстные интересы—попы-
таться усесться на чужой спине) приведут его
неизбежно к сознанию этой истины. Дело само-
стоятельной Украины в мировой революции не-
безнадежно, наоборот, международная революция
—единственный путь к действительно свободной,
действительно самостоятельной Украине.

Международная революция—факт сегодняш-
него дня. Самостоятельная Украина—факт зав-
трашнего дня. После сегодня—придет завтра.

Да здравствует самостоятельная Рабоче
Крестьянская Советская Украйна!

В. Скоровстанский.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие к украинскому изданию . . . I.

Предисловие к 1-му русскому изданию . . IX.

Предисловие ко 2-му русскому изданию . . XXI.

Революция на Украйне:

1. Территория и население . . . . . 1.
2. Украинское движение до революции 1917 г. . 8.
3. Организация Центральной Рады и 1 й Универсал 19.
4. Правительство будет считаться только с фактами 22.
5. Автономная Украйна . . . . . 42.
6. Октябрьская революция и Украинская Народная Республика . . . . . 65.
7. Организация Центрального Исполнительного Комитета Всеукраинских Советов провозглашение самостоятельности Украйны . . . 81.
8. Брест-Литовский призыв немцев . . . . 96.
9. 2-й Екатеринославский С'езд Советов Украйны. Разгон Центральной Рады . . . .109.
10. Гетманщина . . . . . 125.
11. Украинский национальный вопрос. . . 136.

полной мере про... «осле...
народа в самос... ...нный...итет Российской К...
ство, вместе ...а ос... ...ской Партии.
лении „сп... ...з ее...
грабеж ...та...
зывае... ...ни...
вс... П...
...

Издательство «БОРЬБА».

Саратов. Крытый рынок, № 10. Телефон 8—22.

Имеются на складе и поступили в продажу:

1) *Васильев.*—Лишние рты и коммунистический строй.
2) *Гусев Оренбургский.*—„Страна отцов", пьеса в 4 х действ.—инсценировка Лаврентьева.
3) *Карпинский.*—Что такое Советская власть и как она строится.
4) *Лафарг.*—Религия и Социализм.
5) *Маркс.*—Наемный труд и капитал.
6) *Преображенский*—О крестьянских коммунах.
7) *Брахе.*—Долой социал-демократов.

А также все книги Московских изданий: „Коммуниста", „Деннинца", Ц. И. К. и др.

Типография С. Н. Х. 5-е отделение.